

ЕЛЕНА БУРМИСТРОВА

*Исповедь учителя,
или
История длиною в жизнь*

12+

Елена Валерьевна Бурмистрова Исповедь учителя, или История длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40687819

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-10668-0

Аннотация

ЛОНГ-ЛИСТ Российской литературной премии по версии альманаха "Российский колокол". Правдивая история, рассказанная от первого лица. Работая учителем в современной школе, героине приходится отстаивать своё «место под солнцем». Автор показывает школьную «кухню» изнутри: столкновение амбиций, интриги, предательство и проблемы. Трогательные семейные отношения, любовь, которая может жить вечно, не спасают героиню от одиночества и ошибок. На страницах книги «Исповедь учителя, или история длиною в жизнь» читателя ждут интересные сюжетные линии.

Елена Бурмистрова

Исповедь учителя, или История длиною в жизнь

Предисловие

«Пауза затянулась. Я встала и взяла Его за руку. Он поднялся, и мы пошли по берегу, так и не размыкая наших рук. В тот вечер я решила, что мы вместе навсегда». Такой уверенной в своем светлом и счастливом будущем я еще никогда не была. Он давал мне все: спокойствие, защиту и любовь. Тогда я думала, что в жизни все просто, что люди сами себе придумывают проблемы и заставляют себя жить в муках. Кого из вас не посещали подобные мысли в семнадцать лет?

Как часто потом в моей жизни перед глазами возникала эта картина: двое молодых и счастливых людей идут, взявшись за руки, по берегу Байкала – самого красивого озера в мире! Этот момент был дверью в мою счастливую жизнь, которую я вскоре навсегда закрыла...

Когда человек взрослеет, то на многие события в своей жизни он смотрит иначе, чем в юности. Почти у каждого происходит переоценка ценностей. К своему взрослению я подошла без особой истерики. К чему перечислять количество неудач и взлётов? Это то же самое, что рассматривать

плюсы и минусы осеннего листопада. Главное, что я поняла, какой глупенькой я была в те самые семнадцать лет. Люди не придумывают проблемы и муки, они их получают. Одни заслуженно, другие, вероятно, нет. Это судить не нам.

Я хочу поделиться с вами некоторыми откровениями и историями. Вероятно, кому-то будет любопытно увидеть изнутри современную школу со всеми её проблемами; прочувствовать борьбу за место под солнцем; понять то, как молодому учителю на пути профессионального становления иногда приходится преодолевать зависть, ревность, унижение, непонимание и предательство. Заглянуть за кулисы конкурсов красоты, вникнуть в интересные семейные истории, прочувствовать любовь, которая может жить вечно.

Книга основана на реальных событиях. Изменены некоторые имена и места действия.

Вы хорошо помните свое детство? Я отчетливо помню себя с четырёхлетнего возраста. Именно тогда начались мои проблемы, о которых к совершеннолетию я забыла. Или сделала вид, что забыла.

Тульская область 1968 г.

Я часто стояла у окна и смотрела на небо. Звёзды с детства привлекали моё внимание. Я видела бесчисленное количе-

ство небесных светил, хаотично рассеянных в пространстве. Там всегда происходило что-то особенное. Одна вспышка сменяла другую. От вспышек на небе оставались следы в виде светящихся полосок. Эта волшебная картина меня совершенно очаровывала. Я вглядывалась в чёрное небо и искала уже знакомые группы звёзд. Я запоминала их расположение и удивлялась, когда вдруг не находила их на своем месте. Всё это мне казалось безумно загадочным. Единственный объект на небе, который я не любила – это была луна. С малых лет луна наводила на меня ужас. Самое любимое скопление звёзд, которое мне бабушка часто показывала – это Большая Медведица. Это созвездие было для меня как ориентир, оно давало возможность разыскивать многочисленные другие созвездия. Я сама давала им названия, потому что бабушка больше названий не знала.

Я могла стоять у окна часами. Мне хотелось стать свидетелем инопланетного присутствия или падающей звезды, чтобы загадать желание. Желание было одно – чтобы приехала мама. Мама в то время была такой же недостижимой, как мои любимые звёзды на небе. Сто раз в день я спускалась на первый этаж к почтовым ящикам, чтобы увидеть заветное письмо. Чаще всего там было пусто. Вы понимали мотивы поступков своих родителей, когда вам было четыре года? Вот и я их не понимала. Я просто ждала и верила.

– Она скоро придет, – сказала мне бабушка дрожащим толосом, когда однажды увидела меня, стоящую перед от-

крытым гардеробом с мамиными вещами.

– Правда? – радостно спросила я.

– Правда, Аленушка, правда.

Калужская область 2007 г.

В классе было душно. Окна, распахнутые настежь, не помогли. До звонка на урок оставалось несколько минут. Я открыла почту и увидела шесть входящих писем. Взгляд быстро определил, какое письмо открыть первым. Долгожданное послание состояло из двух предложений: «Я прилетаю завтра. Сможешь приехать в Москву?»

В коридоре слышались веселые голоса пятиклассников.

– Елена Валерьевна, зайтиии можно? – кричали они на одной ноте, заглядывая по очереди в кабинет.

– Нет! Класс на переменах должен проветриваться! – терпеливо отвечала я каждому «истосковавшемуся» по урокам английского языка.

Мой взгляд снова остановился на Его тексте: «Я прилетаю завтра. Сможешь приехать в Москву?»

«Завтра вторник. Какая Москва?» – лихорадочно соображала я. Вторник в моем расписании был самым загруженным днем рабочей недели. Убедить себя спокойно пойти завтра на работу вместо того, чтобы уехать в Москву и там встретиться с Ним, мне, тем не менее, не удалось. Я очень хотела Его увидеть. Мы не виделись несколько месяцев. Несмотря на то, что урок практически начался, мои мысли унеслись к

тому моменту, когда началось это безумие, которое перевернуло мою жизнь с ног на голову.

Поселок Заречный 1980 г.

Я стояла на палубе и наслаждалась окружающим меня миром, восторгаясь чистотой озера Байкал. Катер «Комета» шел на большой скорости, люди вокруг испытывали признаки морской болезни, а я даже не замечала тряски. Я смотрела вдаль, на берег, к которому приближалась, и гадала, что меня ждёт. Где-то в глубине моего сознания я ощущала волнение, которое не могла объяснить.

Вы были на Байкале? Начну с того, что озеро относится к числу самых древних водоемов нашей планеты и самых глубоких. Одно только это делает его уникальным. И сам Байкал, и все его земли показывают нам такое разнообразие флоры и фауны, что захватывает дух при виде всей этой красоты. А вот крупных населённых пунктов на берегах Байкала не было. Самым крупным являлся Северобайкальск, куда мы и направлялись, но жить нам предстояло не в нем, а в поселке, который располагался чуть дальше от города и чуть ближе к «Славному морю».

Поселок Заречный был хорош тем, что он стоял на берегу Байкала. И я была счастлива, что могла каждый день созерцать эту божественную красоту. Байкальское побережье изобиловало живописными пейзажами: пещерами, ущельями, гротами и врезающимися в озеро мысами. Как часто я

гуляла по этим местам! Каждый раз они мне открывались по-новому. Здесь я была так счастлива... до определённого времени.

Школа поселка Заречный и выпускной 10 класс широко распахнули «модной девочке с материка», так стали называть меня учителя моей новой школы, свои гостеприимные двери. Она была маленькая, но очень уютная. «Модная девочка с материка» при всей своей внутренней скованности и огромным количеством комплексов молниеносно влилась в коллектив. Я сама удивлялась, насколько мне было легко дышать в этом моем новом месте. Одна из моих одноклассниц по имени Наталья словно почувствовала, что мы с ней родственные души. Взяв меня под руку на линейке, она сказала: «Ну, слава богу, а то мне вообще не с кем общаться. Будем дружить!»

Я не возражала, Наталья мне стала родной с первой ее фразы и навсегда, по крайней мере, тогда я именно так и думала. Я была на седьмом небе от счастья. Если вы находили родственную душу, то вы меня понимаете. Жаль, что все в этом мире не вечно. Крушение идеалов – самое ужасное, что может быть. Лучше не создавать себе иллюзий. Однажды ваши иллюзии могут превратиться в пыль. Эта пыль навсегда затуманит сердце и душу. Многие вещи крайне трудно принять. Мне пришлось.

Линейка закончилась, а я все вглядывалась в лица своих одноклассников. Вдруг я увидела парня, который немно-

го опоздал на начало мероприятия. Он пристально смотрел на меня и улыбался. Я отвернулась, но вскоре услышала его приятный голос.

– Какая у меня красивая одноклассница, – сказал Он, подойдя знакомиться. – И как же тебя зовут, незнакомка?

Я внимательно Его разглядывала. Высокий, с крепкой спортивной фигурой, карими бездонными глазами, очаровательной улыбкой и копной черных вьющихся волос. При всём этом шикарном наборе, красивым Его назвать было сложно. Но всё же я не могла отвести от Него глаз. Почувствовав себя неловко, поспешила ответить:

– Спасибо, одноклассники у меня тоже красавцы, как я вижу. Меня зовут Алёна, – почему-то я представилась Ему своим детским именем. В моей семье долгое время меня звали именно так.

– Добро пожаловать в наш класс, – сказал Он и улыбнулся.
Калужская область 2000 г.

Классы. Сколько у меня их было? На моем счету семь выпусков. Сейчас мне кажется, что это было не со мной. Каждый раз мое сердце делилось на кусочки при расставании. Да, я так принимала свою работу много лет. Сначала я была на седьмом небе от счастья. Я слишком поздно начала понимать, что именно это и было проблемой. Неприятности на работе у меня начались с любви и крепкой привязанности воспитанников ко мне.

Шел 2000 год. Новая школа только что распахнула двери

для всех учеников нашего маленького городка, где я впервые стала преподавать в старшей школе.

– Возьмите классное руководство, я очень Вас прошу, выручайте, – сказал мне директор школы, вызвав меня в свой кабинет 31 августа.

– О каком классе идет речь? – спросила я.

– 10 Б.

– Нет! Ни за что, – ужаснулась я. – Я не смогу работать со старшими. Опыта маловато, да и хотела я начать с младшей школы. Максимум – пятый класс.

– Жаль, я на Вас надеялся. Их брать никто не хочет, – расстроился директор.

– А что с ними не так? – удивилась я.

– Сложный набор. Шумные немного.

– Для их возраста это нормально. Усядутся. Дайте им опытного классного руководителя. У нас есть много таких учителей.

– Хотя бы английский язык вторую группу возьмете?

Я вспомнила, что в этом классе учится моя крестница и с трудом согласилась.

На первый урок английского языка в учебном году весь 10 «Б» пригласили в кабинет опытного учителя Алины Александровны для того, чтобы разделить учеников на две группы. Я пришла чуть позже. На мне были джинсы и удлиненный пиджак. Такие пиджаки – это настоящий маст-хэв любой уважающей себя женщины. Зрительно он делал мой си-

луэт еще изящнее и стройнее. Волосы в тот день я уложила так, чтобы выглядеть солидно.

Алина усмехнулась и бросила на меня пренебрежительный взгляд.

– Ну что, кто хочет знать английский – оставайтесь на первом ряду, остальные пересаживаются на второй ряд. Вы идете к Елене Валерьевне.

Фраза прозвучала унизительно, хотя она попыталась преподнести это, как юмор. Мои ноги подкосились, я прислонилась к стене. Дальше произошло неожиданное. Спустя две секунды большинство учеников встали и быстро пересели на второй ряд. Я даже покраснела, хотя в краску меня вогнать вообще-то очень трудно.

Алина тоже покраснела. Желающих «знать английский» с ней оказалось не так уж и много. Те, кто остались сидеть на первом ряду, смотрели с нескрываемой иронией на моих уже теперь учеников.

Я больше не выдержала.

– Пойдемте ко мне в кабинет, урок уже давно начался. Спасибо, Алина Александровна, – в моем голосе тоже прозвучал сарказм.

10 «Б» стал моей любовью с первого взгляда. Они были открытыми, живыми, настоящими. Наша любовь очень быстро стала взаимной, а вот своего классного руководителя они не приняли. Демонстративно они заходили ко мне в кабинет по поводу и без повода, старались решать все волную-

щие их вопросы только со мной. Ко всем остальным учителям-предметникам они были жестокими. Учителя называли их «бандитский Петербург». Я понимала, что лезть в дела их класса было никак нельзя, но выгонять и не слушать их я так и не смогла.

Через пару месяцев после начала учебного года 10 «Б» пришел ко мне всем составом. Они сели за парты молча, словно выжидая, когда можно будет говорить.

– Что? – не выдержала я.

– Мы хотим, чтобы Вы были нашей «классной». Мы так решили, – сказали они практически хором.

В тот день я долго с ними разговаривала. Мне было лестно, я любила их и хотела этого не меньше, но было сразу два «но». Во-первых, у меня уже был свой класс. И во-вторых, у них был свой «классный». Я привела все аргументы, какие только смогла, говорила, что я всё равно буду рядом, что они могут ко мне приходиться и общаться. Их это не устраивало, но в тот день они всё же со мной согласились. Умолчала я лишь о том, что отказалась их взять с первого сентября, когда директор мне сделал такое предложение. Это так и осталось тайной. Я не смогла признаться им в своей ошибке.

Прошла еще неделя. На дворе стоял великолепный конец октября.

– Елена Валерьевна, у нас к Вам дело. Очень и очень серьёзное, – закричали хором мои любимцы, входя в кабинет.

– Говорите, только быстро, урок сейчас начнётся.

– Вы слышали о конкурсе? – наперебой спрашивали они.

В нашей школе, чтобы поближе познакомиться с вновь определившимся контингентом детей и учителей, педагоги-организаторы придумали конкурс «Визитка».

– Да, я уже со своим классом готовлюсь. А вы? – ответила я всем сразу.

– Да вот в том-то всё и дело, – замялись они. – У нас проблема. Мы сказали Галине, а она не хочет с нами визитку делать.

– Сделайте сами! Вы взрослые.

– Мы не можем. Хотим, чтобы было круто, а не получается. Нет идеи. Помогите, пожалуйста, Вы же можете?

– Я подумаю, – сказала я.

Я сделала им «визитную карточку». Это было блестящее выступление. По сценарию они представляли неграмотных лесных жителей, которые, в конце концов, все стали образованными. Их класс имел статус «юридический». Вот я им и придумала ведьм и леших, которые решили не бездельничать в лесу, а учиться и получить профессию юриста. Я написала «лесные законы», которые имели скрытый смысл и относились к нашей школе. Особенно эффектной получилась последняя сцена выступления: в зале гас свет и перед зрителями уже через минуту на сцене стояли не лохматые и необразованные чудовища, а юристы в мантиях и в шляпах выпускников. Хвалили класс, хвалили Галину Ивановну, их классного. А мне было всё равно. Какая разница, кто писал

сценарий и репетировал! Главное, они были лучшие! И с той поры они всегда были лучшие. В школьных конкурсах кроме моего любимого класса никто не выигрывал. Я помню КВН, сценарий для которого я им написала, будучи уже законным классным руководителем. Класс, который с ними боролся за победу, на показ «домашнего задания» так и не вышел. Настолько блестяще мои дети выступили, что бороться с ними уже было бесполезно.

Так прошел год. На линейке, посвященной Дню знаний, мои одиннадцатиклассники тоскливо поглядывали на меня и моих шестиклашек. Я им помахала рукой, они все хором закричали: «С праздником, Елена Валерьевна! Мы Вас любим!» Мне стало ужасно неудобно, и я украдкой показала им кулак. Они рассмеялись.

Через три дня завучи меня пригласили в кабинет к директору, предупредив, что разговор очень важный. Директор курил и был очень недоволен. В кабинете было нечем дышать от дыма Беломора.

– Елена Валерьевна, возьмете 11 «Б»? – спросил он, затушив очередную папиросу.

– Не могу. У меня есть уже класс. А что случилось с Галиной Ивановной?

– Она отказывается от них. Из-за Вас.

– Предложите ещё кому-нибудь. Я не смогу, – сказала я и вышла из кабинета.

Они стояли вдоль стены. Все. Я покачала головой отрица-

тельно и поднялась к себе на третий этаж. За мной они не пошли.

На следующий день ко мне забежала учитель информатики вся в слезах.

– Леночка, я тебя умоляю, возьми 11 «Б»! Они тебя хотят, и я знаю, что ты согласишься!

– Танюша, что случилось-то? – испугалась я

– Мне в приказном порядке директор их отдает, я с ними не справлюсь, я их боюсь и терпеть их не могу!

Я не знала, что мне делать. К концу дня меня снова вызвали. Теперь директор уже не делал такого строгого вида и просто попросил меня.

– Елена Валерьевна, я опросил всех свободных учителей – ваши любимцы никому не нужны. Их наотрез отказываются брать. Раз приручили – берите.

– А что делать с моим классом? – спросила я. В то время я уже была классным руководителем шестого класса.

– Будете вести оба. Производственная необходимость! – поставил эффектную точку в этом вопросе директор.

Так я обзавелась еще двадцатью тремя детьми. На моих «маленьких» у меня совсем не оставалось времени. Родители обижались и предъявляли мне претензии. Даже жаловались на меня директору. Я не обижалась, так как знала, что где-то они правы. Я пыталась объяснить родителям на собраниях, что вот выпущу одиннадцатиклассников, и у нас ещё будет много времени и возможностей быть вместе и прово-

дить разные мероприятия. Я разрывалась между классами, забыв, что есть ночи и выходные. Мы не пропустили ни одного праздника, ни с теми, ни с другими, но родители шестиклассников по-прежнему были недовольны. У нас начались конфликты. Работа перестала приносить абсолютную радость, и я стала нервной и раздражительной. Конфликты разгорались с невероятной скоростью, мои старшие подхватили эту эстафету. Учителя каждую перемену приходили ко мне с жалобами или приглашали меня прямо на уроке разобраться с проблемой.

Я никогда их не ругала при других учителях. Я приходила в класс, бросив свой урок, стояла и спокойно слушала учителя, которого они довели до белого каления. Потом разворачивалась и уходила к себе в кабинет с одной только фразой: «Welcome!»

Они прекрасно знали, что она означает – «я вас жду на ближайшей перемене в кабинете». Я никогда не позволяла срываться на них в присутствии ещё кого-либо. Чтобы ни сделали мои дети, я старалась обсуждать это с ними наедине. Да и вообще, крик и оскорбления ещё никому не помогали стать другом, наставником и любимым классным. Я это уловила сразу, поэтому решать любые их проблемы при всём школьном коллективе никогда не пыталась. Отдалить от себя класс проще простого, попробуйте влиться в обратный процесс, и вы увидите, что это сложно, а подчас и невозможно. Я сама не понимала, откуда в моей голове всегда складыва-

лись правильные решения. Сейчас учителя частенько советуются со мной, как «удержать» класс. Зато в 2002 году все было иначе.

«Заработала себе ложный авторитет и радуется!» – кричали на каждом углу некоторые коллеги.

Ирония судьбы – еще в университете, на предмете «Педагогическая этика», я четко уяснила для себя, что ложного авторитета я никогда зарабатывать себе не буду. Лучше пусть не любят. Но как-то, следуя именно этому принципу, я словно привораживала к себе детей. Была абсолютно иная реакция, ко мне приклеивались «намертво». Все мои классы, которые я выпустила, были «отказниками». В школе это означает то же самое, что и в роддоме. Их бросили. Бросили за то, что не смогли найти подход к детям, не смогли или просто не захотели. И сейчас я говорю только о себе и своем опыте. Разумеется, в нашей школе были дружные классы, которые уважали своих классных руководителей и жили весёлой и интересной жизнью. И, несмотря на это, отношения между мной и моими детьми в школе обсуждались и просматривались как многосерийный фильм.

Не могу сказать, что я всегда и всё делала правильно. Тогда мне казалось, что только я вижу верное решение. Из-за этого многое в моей педагогической практике пошло совсем не так, как мне бы хотелось.

Поселок Заречный 1980 г.

Стоял замечательный сентябрь, последний сентябрь моего школьного детства. Закат показывал незабываемые краски. Байкал был настолько великолепен, что я не могла подобрать слов. Мы сидели вчетвером на упавшем дереве и любовались природой. Я, Он, Наталья и Славик. Славик был безнадежно влюблён в Наталью, та его презирала. Это немного омрачало нашу совместную дружбу, но Славик стойко переносил неразделенную любовь и не показывал никому свою трагедию.

Темнело. Он попросил меня с ним прогуляться. Наташа бросила на меня убийственный взгляд типа «только попробуй». Она была хранителем моей верности Олегу, которого я ещё не видела. Хотя, почему? Когда я училась во втором классе на Украине, или простите, в Украине, мы жили в одном доме и были знакомы. Но это было в другой жизни. Это не я, а Наталья училась с ним до выпускного класса, это она была ему верным другом.

Олег был абсолютно нескромен в своих желаниях. Едва увидев у сестры мою фотографию и узнав, что я приезжаю в Северобайкальск жить и учиться с ним в одном классе, объявил без всяческих церемоний, что я – его девушка. Раз и навсегда. Король не сомневался в своём решении. Король огласил свой королевский указ. Отлично помню тот день, когда Олег появился в классе. Нет, не 1 сентября, когда его друг влюбился в меня, гораздо позже. На материке отдыхают долго, такова была сущность летних каникул тех, кто ехал в цен-

тральную Россию или в советские республики с Севера или из Сибири. На календаре учебного года было 29 сентября. Я отлично помню все подробности его появления. Олег зашёл в класс и кинул портфель на последнюю парту. На нём были синие вельветовые джинсы Montana, последний писк моды того времени. На уроках в тот день он всё время старался обратить на себя внимание. Задавал каверзные вопросы учителям, даже дерзил. Ему нужно было себя показать. Не классу, все его отлично знали. Он демонстрировал себя той, которая по его желанию должна была ему принадлежать. Я внимательно изучала его. Мне понравился его юмор, его величие в классе. Но мне не давала покоя одна мысль – до этого момента был целый месяц моей абсолютно другой жизни, куда Олег пока никак не вписывался. Олег и Он были хорошими друзьями. Жаль, что даже слишком хорошими.

...Наталья дёрнула меня за руку так, что я снова присела на упавшее дерево. Я посмотрела с удивлением на подругу: «Наташ, мы скоро вернемся».

Наталья не стала отвечать. Пауза затянулась. Я снова встала и взяла Его за руку, Он тоже поднялся, и мы пошли по берегу, так и не размыкая наших рук. В тот вечер я подумала, что мы вместе навсегда. По крайней мере, я так хотела. Как часто потом в моей жизни перед глазами возникала эта картина: двое молодых и счастливых людей идут, взявшись за руки, по берегу Байкала – самого красивого озера в мире. Это была дверь в мою счастливую жизнь, которую я вскоре

навсегда закрыла.

А пока факт был налицо – моя жизнь в корне менялась. Я очень переживала за новый коллектив, но всё складывалось отлично. В нашей школьной компании оказалось всего две девушки: я и Наталья. Остальные – парни. С другими девчонками из класса мы не общались. Мы чудесно проводили свободное время. Когда было тепло, мы пропадали на Байкале: брали еду, книги, учебники. Вечерами жгли костры и рассказывали разные истории. Я полюбила наш дружный коллектив. В школе я чувствовала себя отлично. Здесь работала моя любимая тетя Ира. Я была под постоянной защитой. Мне нравились все учителя, пожалуй, кроме нашего классного руководителя. Она меня тоже сразу не полюбила. На уроках игнорировала, после уроков бралась воспитывать.

Сентябрь неумолимо приближался к своему завершению. Как-то мы с одноклассниками смотрели в кинотеатре «Экипаж». Его рука нежно легла на мою руку, стало не до сюжета на экране. Я повернулась к Нему.

– Ничего же не изменится? – спросил Он.

– Почему ты спрашиваешь?

Он наклонился ко мне ближе и шепнул на ухо.

– Сам не понимаю, мне бы не хотелось, чтобы что-то изменилось.

– Нет, – с уверенностью ответила я.

Но всё изменилось ровно через минуту. Сзади нас зашумели наши одноклассники.

– Олег приехал, – шептались все. Вскоре к нам пробрался через ряды парень и почему-то обратился не к Нему, а ко мне.

– Лен, скажи своему приятелю, что Олег зовёт. Пусть выйдет.

– Что ему было надо? – спросил Он.

– Он сказал, что тебя зовёт Олег, – с трудом произнесла я.

Он послушно встал и пошёл к выходу, забыв про меня. Я растерянно пошла следом, за нами выбежала Наталья.

Возле входа в кинотеатр стоял Олег с парой незнакомых парней. Тогда я впервые его увидела в нашей взрослой жизни. На меня он произвёл впечатление своим пафосом. Он стоял перед нами модный, уверенный в себе, дерзкий. Олег подошел к нам ближе. Даже не подумав поздороваться с нами, он начал:

– Ну, как фильм? Говорят, что очень даже интересный, – злобно сказал он.

Олег не просил меня ему представить, он даже и не смотрел на меня толком.

– Как фильм, друг? Я же задал вопрос! – уже гораздо громче спросил Олег.

Его распирало от своей значимости. На слове «друг» Олег сделал сильное ударение.

Не получив ответа, он размахнулся и изо всех сил ударил Его по лицу, но драки не получилось. Наталья схватила Олега за руку и отвела в сторону. Я подошла ближе к Нему, но

Он отвернулся и быстро пошел прочь.

Олег умел манипулировать людьми. Это я поняла сразу. В тот день я пришла домой, закрылась в комнате и начала обдумывать создавшееся положение. Впервые в своей жизни я встала перед выбором. Глупость? Да, наверное. В 16 лет люди делают еще и не такие глупости. Олег не сводил с меня глаз на уроках, писал записки, провожал меня домой со школы, смешил, развлекал.

Нисколько себя за это не ругая, через неделю я приняла решение, которое оказалось первым и самым разрушительным в моей жизни – я выбрала Олега. На вечеринке по случаю осеннего праздника Олег пригласил меня на танец. Больше в этот вечер он не отошёл от меня. Проводив домой, Олег предложил мне с ним встречаться. Раньше так было принято начинать отношения. Я не знаю до сих пор, почему я так быстро попала под его влияние. Что-то сбило меня с пути истинного. Олег отличался от Него на сто процентов. Мой новый парень был светловолосый, худой, с красивыми пронзительными глазами. Всю эту неделю Он только наблюдал за развитием наших с Олегом отношений: не подходил, не садился в классе рядом, не звонил и не писал записок со стихами, которыми Он заваливал меня в сентябре. Он отступился сразу, не дав мне шанса.

Наталья ликовала. Она постоянно повторяла мне, какая мы красивая пара, как мы подходим друг другу. Тогда я не понимала, почему я так поступила, не понимаю и сейчас. Ве-

роятно, Олег мне показался круче, моднее. Он обладал поразительной харизмой, мне этого не хватало. Мне импонировало то, что его все считали самым крутым парнем в школе. Это все и толкнуло меня в его объятия. А что вы хотели от шестнадцатилетней девушки?

Тем не менее, я предала того, в которого успела влюбиться. Предала грубо и цинично, с улыбкой на устах. На той же самой вечеринке они оба, не видевшие друг друга всё лето, стояли у стены и мирно разговаривали.

– Смотри, они помирились. Недавно чуть не подрались, а сейчас как будто ничего и не было. Вот сила дружбы! – язвила Наталья.

– Наташ, что ты к ним пристала? Разберутся, – сказала я.

– Ты что решила?

– Пока не знаю, Олег мне понравился.

– Ура! Значит, я ему говорю, что ты согласна.

– Не надо ему ничего говорить. Я пока точно не решила.

Мне как-то не по себе.

– Ой, ну что тут думать, смотри, как он выглядит!

– Мне и с тем, другим, было неплохо, – тихо сказала я.

– Забудь, – отрезала подруга.

– Наташ, а если это ошибка, если я потом пожалею?

– О ком жалеть? О Нём? Не смей меня. Если бы я была на твоём месте, я бы выбрала Олега.

– Ты не на моём месте. По-моему я влюбилась в Него. Что мне делать?

– Влюбилась? В него? Лен, ты о чем? Я с одной стороны тебя понимаю. В своей новой жизни, перемене места жительства, в этой романтике ты не разобралась в своих чувствах! Я уверена, что это так. Нам просто было с ними весело. Я же в Славика не влюбилась!

– У меня странное чувство, что я пожалею о своем решении.

– Не пожалеешь, – уверенно сказала подруга.

Калужская область 2007 год.

– Не делай этого! Не выйдет ничего хорошего! – заявила Наталья и отключилась.

Я ей перезвонила.

– Наташ, Он заходил ко мне на страничку в Одноклассники, я Ему написала. Написала первая.

– С ума сошла?

– Наташ, прошло двадцать лет, у меня чисто спортивный интерес.

– Твой спортивный интерес всегда заканчивается какой-нибудь трагедией. Напомнить?

– Ну, что такого случилось? – занервничала я. Но Наталья твердо стояла на своём, словно чувствовала то, что я в этот момент чувствовать не могла.

– Случится. Включи память, и мозг на всякий случай, – сказала она и снова отключилась.

Перезванивать больше я не стала, но мне очень не понра-

вилось то, что она предрекла. Я действительно не видела ничего плохого в том, что бывшие одноклассники станут переписываться. Когда я потом ей сказала эту фразу, подруга рассмеялась и резюмировала:

– Вот именно, одноклассники, а не вы с ним. Ты когда-нибудь думала, кто он для тебя? Или у тебя до сих пор игрушки? У него семья! Он живет в другой стране! Не трогала бы ты его! Раньше надо было думать!

После этих слов мне стало совсем грустно.

– Да? Что-то ты Его так не оберегала раньше, – резко ответила я.

– Оставь человека в покое! Не помнишь, чем закончилась Его вселенская любовь к тебе? Хорошо, что спасли! Жила бы с этим всю жизнь!

– Я давно оставила Его в покое. И то, что случилось, я тоже хорошо помнила. Меня этот случай всю жизнь мучает. Мне стыдно и страшно об этом вспоминать, но это было, я ничего с этим не могу поделать.

– Лен, не пиши! Не отвечай! Не развивай тему! Ты пожалеешь, запомни это.

– Мне сорок лет, и я давно уже никому не нужна, – напомнила я Наталье. – И Ему в том числе. Мне просто интересно, как у него сложилась жизнь, почему он живет в другой стране, как туда попал.

– Ты хочешь, чтобы Он тебе это рассказал за чашечкой кофе? – съязвила Наталья.

– Нет, чтобы написал, – я сделала вид, что не заметила, на что она намекает.

– Кстати, по поводу сорока лет, тебе кто-нибудь дает столько? Посмотри на аватарку. Серёжка у меня недавно спросил: «Какого года у Ленки фото?» Когда я сказала, что ты вчера фотографировалась, он ответил: «Бомба! Она на какой диете?»

– На специальной, – ответила я словами из любимого фильма.

Мы так и не пришли к консенсусу.

– Иди в свою школу, отвлекись, начни готовить какой-нибудь открытый урок! Не трогай Его! – завершила свою сокрушительную речь подруга.

Мне очень хотелось с Ним переписываться. Я вспомнила Наташкины предостережения, но в тот момент мне было всё равно. Я Ему послала «поцелуй» и отключилась. Интерес вспыхнул с невероятной силой.

Когда я в очередной раз зашла в Одноклассники, сообщение от него было всего одно, но оно меня порадовало. «Ты не представляешь, как мне хорошо от того, что ты меня поцеловала, словно на 20 лет назад откинуло».

Мы вновь начали общаться спустя 20 лет, договорившись написать о себе всё, что с нами происходило после расставания. И тут я начала замечать за собой странные вещи. Например, меня раздражало в нашей переписке, что Он иногда упоминал женщин, которые появлялись в Его взрослой

жизни. Об одной Он даже говорил с особой нежностью. Ревность? Я не имела права Его ревновать. Да и теперь это было глупо. Я всё понимала и удивлялась, какое я вообще имею право предъявлять претензии к Нему? Кто я? Я отказалась от Него в той жизни, я Его предала, а Он ненавидел предательство больше всего. Чем больше Он мне писал, тем больше я понимала, насколько непростой была Его жизнь. Он выплескивал на меня массу событий, которые произошли без моего участия. Он раскрывал мне свою душу. Многие Его письма я перечитывала по десять раз. Чем больше я с Ним общалась, тем больше тосковала. Всплыли в памяти все события в подробностях. Я тосковала по нашей молодости. Не в силах справиться с проблемами одиночества, мне захотелось полностью погрузиться в воспоминания. Ничего хорошего из этого не вышло – у меня начиналась депрессия.

Вы любите свою работу? Только ответьте честно. Я любила. Раньше. Разочарование в профессии настигает внезапно. Обратного пути нет. И вот уже депрессия – ваше второе имя. Вы постоянно ощущаете, что сил не осталось, эмоций тоже нет, а то, что вы делаете – делаете по инерции. И посещают мысли: не дай Бог, опять на вас обрушится любовь воспитанников! Почему «не дай Бог»? Потому, что ответить уже нечем. Иссякло. Вы ясно понимаете, что педагогика априори неблагоприятное занятие. Дело это незаметное, простое, служивое. И перед вами встает выбор: либо вы просто и неза-

метно служите, либо убегаете из школы со словами: «И не надо поздравлять меня с Днем учителя!»

Было время, когда я ходила на работу, как на праздник. Каждый день я словно на крыльях летела в свой уютный кабинет и с отличным настроением начинала вести уроки. Мне нравилось учить детей. Я наслаждалась процессом. Я никогда за всю педагогическую практику не испытывала серьезных проблем с классами и даже с отдельными личностями. Конечно, было всякое, но глобальных конфликтов не было. Гораздо тяжелее мне давалось общение с коллегами. Женщины остаются женщинами.

В школе работать непросто. Это знают все. Большинство людей просто не предназначены для такой работы, потому что не способны выдерживать все то, что предлагает и преподносит современная школа. Я выдержала. У меня было столько трудностей, что сейчас я с ужасом об этом вспоминаю. В начале моей педагогической деятельности коллеги надо мной открыто издевались. Спросите, почему? Я не знала. Догадывалась, но своими догадками я еще больше убивала в себе веру в людей.

Они приходили ко мне на уроки только для того, чтобы найти всё плохое, что только можно было найти. Причем, никто о посещении уроков меня не предупреждал. Просто открывалась дверь, и учителя ставили меня перед фактом: «Мы пришли к Вам на урок». В то время я не знала, что никто не имеет право приходить ко мне на уроки без пре-

дупреждения, даже администрация, не говоря уже обо всех остальных. На обсуждении урока, после моего самоанализа, коллеги, закрывая глаза от удовольствия, проговаривали мои недочеты и промахи. Нет, они не учили меня, они пытались проучить. За то, что я им так не нравилась, так сильно их не устраивала. И чтобы впредь никуда не высывалась. Это была самая настоящая травля. Мой диплом магистра и диссертация не давали никому покоя.

Один случай мне до сих пор тяжело вспоминать, вы сейчас поймете, почему. Однажды ко мне в кабинет зашли все «англичанки» нашей школы, протянули мне листы всероссийской олимпиады и сказали: «Елена Валерьевна, сделайте срочно, нам ответы нужны будут уже после обеда, сказала руководитель методического объединения». Остальные стояли рядом и загадочно улыбались.

Я увидела, что это олимпиада для 9-11 классов. У меня по расписанию было ещё три урока. Я лихорадочно соображала, что мне делать. Эти задания не для третьего класса. Сделать быстро их невозможно. Да и когда делать? На уроке? Я растерялась и ответила отказом, сказав, что у меня плохое самочувствие, и я не смогу сейчас сидеть с этими заданиями. Я не люблю обманывать людей, да и не умею. Видимо, поэтому на следующий день все в школе говорили, что я не смогла сделать задания олимпиады. И только спустя два года я узнала, что ключи к заданиям всегда прилагаются, откуда бы эта олимпиада ни спускалась. Так что это было? Все пре-

красно понимали, поняла и я.

Замечаний в свой адрес я слышала невероятно количество за мою педагогическую деятельность.

«Все люди, как люди, а ты с планшетом», – услышала я после того, как посидела с компьютером на одном из совещаний. Педсоветы я не любила. Грешна, не люблю и сейчас. Когда я сама проводила семинары, я просила убрать многочисленные дела моих коллег в сторону и просто ждала, когда они все это сделают. Потом начинала говорить. Учительская привычка притягивать внимание срабатывала и тут. Не любила, когда на собраниях учителя проверяли тетради. А коллеги не любили меня. У ненависти ко мне было несколько пунктов. «Стерпеть от тебя можно всё: и популярность среди учеников, и креативность в продвижении учебных заведений, и писательский талант, но красоту...» – как-то сказала мне коллега, спустя много лет. Тогда, когда мы уже разбежались в разные стороны из школы. Я не обращала внимания на реакцию людей на мою внешность в то время. Только сейчас я понимаю, что это значило.

Во втором пункте я бы поставила необъяснимую тягу детей ко мне. Даже «чужие» приходили со мной советоваться. Да, они не шли к своим классным руководителям, а просили меня помочь им в делах школьных и сердечных. Я не знаю, почему. Все происходило само собой. По своей неопытности я наделала много ошибок. Я не знала «устава монастыря». Теперь я это понимаю. Раньше не понимала. Я выслушива-

ла всех, меня радовало, что ко мне идут за советом, я нужна детям. И абсолютно забывала, что у этих детей есть свои классные мамы. И что им это не понравится.

Третий пункт – мои достижения. Победы в конкурсах, научно-практических конференциях, новая должность и многое другое приводило в бешенство некоторых моих коллег. Часто я задавала себе вопрос: «А не бросить ли мне это все?»

Калужская область 1999 год

Бросить работу мне хотелось тысячу раз. Несправедливость – это то, что я ненавижу больше всего в жизни. Первый раз я серьезно задумала расстаться с профессией, когда моя дочь пошла в пятый класс.

Выпускной вечер в четвертом классе прошёл так, по словам коллег и администрации школы, как никогда не проходил. Это был замечательный праздник. Я была классным руководителем у класса, где училась моя дочь Яна. Но сначала я была просто сумасшедшей мамашей и более чем активно помогала Ирине Валентиновне, классному руководителю Яны. Она всегда ко мне обращалась за помощью, уяснив, что я ни в чем ей отказать не могу. Ирина была в то время лучшим учителем в начальной школе. К ней попасть было очень трудно. Детей отбирали. Яна, скорее всего, попала к ней только потому, что в чтении ей равных в то время не было. Читала она бегло и грамотно. Ирина просто взяла себе не блатную, но перспективную ученицу. Но через три года на-

шему учителю предложили должность завуча, и она не смогла сочетать эти две должности. Я в то время уже заканчивала свою Академию Педагогики. Как-то меня пригласили в школу для разговора. Директор просил меня взять классное руководство и некоторые часы. Класс я любила и знала, но так как математику и русский язык я не могла вести, пригласили ещё одного учителя. Итак, нас стало трое на один класс 4 «М»! Это был великолепный год. Дети получили отлично-го учителя и отдельного классного руководителя. Я вела у них два предмета: риторику и историю. Всё было в новинку. Такой предмет как риторика преподавался в школах впервые, да и то, я думаю, что не во всех школах было это новшество. Учебники были современные, яркие и очень интересные. Я сама их покупала на весь класс в Олимпийском, куда мы очень часто ездили в выходные с родителями.

В пятый класс моя дочь и остальные ученики 4 «М» пошли в единственную тогда среднюю школу в нашем городе, в народе именуемой, как «белая». Классным руководителем моего бывшего класса стала Нина Андреевна, учитель математики. Это была пожилая женщина, не очень любившая младшие классы и, как мне показалось, без чувства юмора. Она была прекрасным математиком. Но по темпераменту не очень подходила под статус классного руководителя пятого класса, с которым я была как нянька и вторая мама одновременно. Родителей она встретила сухо и сразу поставила всё на свое место. Я иногда спрашивала её: «Как там моя дочь?»

Она строго из-под очков смотрела на меня и говорила: «Ну что я могу сказать – не математик!» Этой характеристикой обычно весь наш с ней разговор о моей дочери заканчивался. (Было весело вспоминать, когда мой «не математик» решала за пол группы в колледже сложные контрольные работы).

Скоро мой маленький народ начал грустить. Они прибежали ко мне и жаловались на Нину Андреевну. Я пыталась их успокоить, как могла. Но я знала, что ничего не изменится. Я потихоньку втянулась в процесс и стала помогать, как я привыкла, но я видела, что моя инициатива Нину Андреевну не радует. Мы с родителями устраивали вечера и помогали детям в школьных мероприятиях. Они выигрывали один конкурс за другим. Нина Андреевна светилась от счастья на сцене, когда их поздравляли, но я чувствовала, что она недовольна моей активностью.

Наступало время Нового года. Наш родительский комитет решил ставить на сцене сказку. Мы придумали и отрепетировали интересную историю с детьми. Костюмы, музыка, песни, интересный сценарий – всё это завораживало. Нашу сказку даже показывали для младших классов. После очередного показа Нина Андреевна подошла ко мне и недовольно спросила: «Елена Валерьевна, Вы не считаете, что это всё сильно отвлекает детей от учебного процесса?»

Больше я в школе не появлялась. Хотя у меня состоялся с ней ещё один неприятный разговор.

Я заканчивала своё обучение в университете. Диссерта-

ция отнимала много времени и требовала разнообразной деятельности. Кстати, в моем МЭГУ огромное внимание уделялось психологии, и мне приходилось практически защищать параллельно и диплом психолога. Одна курсовая следовала за другой. Для того чтобы сделать практическую работу, нужно было проводить психологическое исследование с детьми. В школе я пока не работала, так что «достать» детей я смогла только в своем бывшем классе, у Нины Андреевны.

Я пришла с утра и заглянула в класс.

– Здравствуйте, Нина Андреевна, – вежливо сказала я.

– Доброе утро. Вы ко мне? – на ее лице сразу отобразилось недовольство.

– Я хотела попросить Вас о помощи. Можно раздать детям листочки с заданиями? Мне очень нужно.

– У меня нет времени с этим возиться, – ответила неприятным тоном Нина Андреевна.

– Ну, можно я тогда сама им раздаю? Я быстро.

Я вошла в класс, раздала листочки и сказала, что завтра их соберу обратно. Дети сияли от счастья, обнимали и целовали меня.

Нина Андреевна стояла и наблюдала эту неприятную для неё картину. Как вы думаете, что было дальше?

В результате на меня обрушились с претензиями все родители класса. Требование было одно – отдалиться от детей. Не приходиться, не общаться и не лезть в этот класс вообще.

Было смешно и грустно одновременно. Я четыре года отдала этим детям. И раньше родители не возражали, когда я моталась в Москву за учебниками, за методическими пособиями, за подарками. Когда я устраивала праздники с презентами, которые покупала сама. Нет, их всё устраивало, что нашлась такая полоумная мамаша, да ещё и впоследствии классный руководитель, что взвалила на себя абсолютно всю работу. В работе с классом мне помогали единицы: бабушка одного мальчика и впоследствии ставшая мне близким человеком, соседка, с дочкой которой Яна выросла и очень тесно дружила.

Итак, ко мне прибыла целая делегация родителей, которая предъявила мне претензии за вмешательство в дела класса. Глаза были опущены, видимо потому что всё же было стыдно. Я клятвенно пообещала родителям на пушечный выстрел не подходить к классу. Одновременно посетила мысль – и к профессии учителя тоже. Некоторые родители звонили мне позже и извинялись за то, что им пришлось идти на поводу у большинства. На следующее утро после разговора с родителями я взяла все свои бумаги по написанию курсовой и показала Нине Андреевне, сказав, что анкеты были даны детям не для того, чтобы настроить их против нового классного руководителя, а для написания практической части диссертации. Она стояла, склонив голову набок, и слушала меня, но не слышала.

В последний раз я увидела её при прощании с ней у шко-

лы, у её школы, где она работала. Гвоздики в моей руке нервно тряслись. Сзади я услышала слова ее подруги: «Нина Андреевна просила меня передать всем, кому она вольно или невольно сделала плохо или обидела, что она просит прощения».

И тут я не выдержала, слезы полились рекой. Я положила цветы в гроб и быстро пошла по направлению к дому. Я помню, что позвонила Яне и долго сквозь слёзы ей рассказывала о том, как прошло прощание с её бывшим классным руководителем. Яна молчала. Я понимала, что она тоже плачет.

Калужская область 2007 год

Ее слезы. Их было много. Сейчас я не понимаю, как я выдерживала такой стресс, на чем держались мои духовные и физические силы. Чем старше становилась моя дочь, тем больше скапливалось вокруг нее проблем.

– Семен Витальевич, отпустите меня завтра в Москву, – осторожно начала я, предвкушая встречу с Ним в столице.

Директор снял очки и спросил:

– Это важно?

– Да, это важно.

– Хотите с Яной встретиться?

– Нет, Яна занята завтра, работает весь день. Мне по личному вопросу очень нужно быть в Москве.

– Хорошо, напишите заявление и предупредите завучей, что Вас завтра не будет.

Он вообще всегда мог входить в «важные» дела учителей нашей школы. Вот только в одно «важное» дело он так и не смог вникнуть. Эта история многое изменила во мне и расставила все по своим местам.

Это было в тот год, когда моя дочь заканчивала 9 класс. Уже тогда начиналось «профильное движение». Профильные классы ежегодно открывались в том или ином среднем общеобразовательном учреждении. Наша школа не стала исключением. И всё чаще можно было услышать от педагогов, от классных руководителей о том, что в школе в 10-11 классах открываются гуманитарные или математические, исторические, биологические, спортивные направления. Наша школа пошла «впереди планеты всей» – у нас уже в 2003 году открывали даже «предпрофиль». А первые старшеклассники, которые пришли в новую школу в 2000 году, гордо именовали себя «юристами», так как этот класс углублялся в историю и обществознание и имел название «юридический».

Итак, два девятого класса разделились на два профиля: гуманитарный и математический. Дочка сначала сидела над пятью учебниками алгебры, борясь с формулами, потом, не выдержав, попросилась в гуманитарный класс. Я понимала, что есть ещё одна причина. Яне очень легко давался любой предмет. Алгебра была только предлогом. С малых лет моя девочка влюбилась в очень приятного и красивого паренька со звучной и великой фамилией Чехов.

Именно он и являлся причиной её тяготения к «А» клас-

су. Сначала я была против перевода, но уже через неделю после этого разговора, она сидела с Чеховым за одной партой. Если бы я знала, что из этого всего выйдет!

Из Яниной затеи перейти в другой класс и действительно не вышло ничего хорошего.

Теперь классным руководителем Яны стала Молчанова Нина Николаевна, учитель истории. В нашей школе она была «звездой». Предполагалось, что она безукоризненно знала свой предмет и преподавала на высоком уровне. Но сейчас я бы и с этим фактом поспорила.

Как-то у меня с мамой состоялся разговор о наших предках. Мама рассказала, что наши предки не были крестьянами, а были однодворцами. Меня эта информация очень заинтересовала, и я спросила у Молчановой, кто такие однодворцы. Если бы вы слышали, какую ерунду она мне сказала, вы бы рассмеялись.

Тем не менее, была она очень милая в общении женщина, приятной внешности. Историки в то время были в дефиците, так что в школе «правила балом» только она. Правда через год после открытия средней школы к нам пришли ещё две женщины, преподававшие историю, но очень быстро ни одной, ни другой в школе не оказалось. И только через несколько лет я узнала тайну их исчезновения из нашего «дружного» коллектива. Догадаться легко. Молчановой не нужны были конкуренты.

Приняла Молчанова моего ребенка в свой 9 «А» класс

нежно и с удовольствием. Но не прошло и двух месяцев, как случилось то, что забыть невозможно.

– Елена Валерьевна, помогите мне, Вы же член родительского комитета, – обратилась ко мне Молчанова.

– Да, Нина Николаевна, я Вас слушаю, что нужно сделать? – я привыкла помогать классным руководителям моей дочери с первого класса и не видела в этом ничего страшного. Наоборот, мне было очень интересно. Мы сидели с ней в школьной столовой и пили мерзкий столовский чай.

– У нас КВН новогодний намечается, Вы – человек творческий, помогите со сценарием, я хочу, чтобы мой класс победил, – сказала Нина Николаевна.

Мне понравилась идея, я написала сценарий буквально за сутки, и мы даже ещё не начали репетировать, как грянула буря.

Я помню красное разгорячённое лицо, искажённое от ненависти ко мне. Это лицо выкрикивало оскорбления в мою сторону, молниеносно перейдя на «ты».

– Ах, ты какая! Ты класс у меня забрать хочешь! Вот почему согласилась мне помочь! Говорили мне, что ты за птица! Нет, не птица, ты – паук, ты всех обработала! Оплела паутиной всю школу!

В её эмоциональную речь я так и не смогла вставить ни одного слова.

– Рассказали мне, какие беседы ты ведёшь с моими учениками! Я сделаю всё, чтобы ты тут больше не работала и

дочь твою выгоню! Дорогу забудете сюда!

Я просто попросила её уйти в тот день. Больше ничего не смогла сказать.

С этого момента для меня и моей дочери в школе началась совсем другая жизнь, началась травля. Все члены коллектива в одну шеренгу встали на сторону Молчановой. Многие, отводя глаза, говорили мне: «Нина Николаевна во всём права, а Вы нет». Права? От обиды хотелось быть волком. Эти же слова я услышала от Яниной первой учительницы. Трудно передать все чувства, которые охватили меня тогда. Она отвернулась от нас. Окончательно. Впоследствии я простила все, но если человек предал однажды, жди от него предательство снова и снова. К сожалению, все так и случилось....

Я не обижалась на многих моих коллег в нашей школе, они не знали толком ни меня, ни мою дочь. Но были люди, которые были близкими, как мне казалось. Но и они предали меня. Вот именно это убивало больше всего. Такое состояние очень трудно передать. Ты словно находишься в кошмаре сновидений или в нереальном времени и пространстве.

Начались тайные собрания. Директор вызывал по очереди всех учителей-предметников, учивших Янку, и спрашивал: «Что плохого вы можете сказать об этой девочке?» Причём, вопрос ставился именно таким образом. Он хотел, чтобы Молчанова оказалась права, чтобы хоть кто-то сказал, что моя дочь плохо учится, прогуливает уроки или дерзит. Но никто, даже те, кто дружил с Молчановой и хотел бы стать на

её сторону, ничего не могли сказать плохого о моей дочери. Как-то в очередной раз пригласили на это тайное собрание и меня.

Директор подождал, пока стих гул учителей, обсуждавших нашу проблему, и сказал:

– Мы собрались сегодня опять по вопросу, который обсуждаем уже не первый день. Давайте уже придём к какому-то решению.

Молчанова сидела с гордым видом, глаза блестели, она оглядывала всех с улыбкой. Когда её взгляд останавливался на мне, в её глазах читались отвращение и ненависть.

– Нина Николаевна утверждает, что Яна прогуливает уроки, не учит её предмет и делает непозволительные вещи.

– Ну, что касается прогулов, это Вы, Нина Николаевна, обманываете. Никогда Яна не прогуляла ни одного урока, она даже больная в школу ходит! А вот позвольте спросить, какие непозволительные вещи она делает? Заинтриговали, – сказала Анна Николаевна, учитель русского языка, которая обожала Янку.

– У нее пирсинг! А это делают только проститутки, – взвизгнула Молчанова.

Слово прозвучало, как гром среди ясного неба. Мне показалось, что я сейчас потеряю сознание.

– Ой, да ладно! В Ваших ушах, Нина Николаевна, знаете, тоже пирсинг. Вас тоже можно так назвать? – нашлась Анна Николаевна. Она никогда никого не боялась, всегда говорила

правду и терпеть не могла несправедливость.

Молчанова, явно не ожидавшая такого разворота событий, снова взвизгнула.

– У нее в пупке!

– А зачем Вы заглядывали к ней под кофту? – спросила бывшая классная руководительница Яны. – Я, например, никакого пирсинга не видела. Пупок у нее всегда прикрыт. Одежда приличная и красивая.

Молчанова побелела от злости. Собрание явно сегодня не становилось на её сторону.

Ох, боже, пирсинг! Я была против такого решения, но бабуля не смогла устоять перед Яниным желанием, и на день рождения у дочери в пупке красовалась маленькая серёжка.

Вот её Молчанова и узрела как-то.

– Ну а Вы, Елена Валерьевна, что скажете? – вдруг обратился ко мне директор.

– Если честно, я не понимаю, что вы все хотите от меня услышать! Что моя дочь Вам всем сделала? – спросила я уставшим голосом. Я сама этот голос не узнавала, словно за меня кто-то говорил в данный момент.

– А кого Вы слушаете? Что её спрашивать? Её гнать из школы надо с подвальным дипломом! – закричала Молчанова.

– А что не так с её дипломом? – спросила учитель географии.

– Он либо купленный, либо полученный в подвале како-

го-нибудь коммерческого вуза без государственной аккредитации! Тоже мне магистр! Да что это такое? Проверять нужно дипломы перед тем, как брать на работу! – разошлась Молчанова, обращаясь к директору.

– Что такое «магистр»? И правда, что-то странное, – поддержала Молчанову учитель географии.

В то время, слово «магистр» в школах было подобно красной тряпке для быка. В современной России магистерские программы начали создаваться примерно 15 лет назад. Я попала как раз в самое начало этой программы. Это было отражением общемировой тенденции, направленной на унификацию программ и дипломов высшего образования. Никто из руководства школ не собирался признавать, что люди, выходящие из стен высших учебных заведений, становились не просто «специалистами». Защитив диссертацию на соискание ученой степени, они получали академическую степень и назывались «магистрами». В моем дипломе стояли две печати – «имеет право преподавать в любой точке земного шара» и «имеет право на ношение мантии». Мой диплом коллеги ходили рассматривать к секретарю, как диплом Хогвартса, вымышленного учебного заведения в книгах о Гарри Поттере.

Как меня и учили в моём учебном заведении – «старая» педагогика боролась с «новой». Кто-кто, а я на себе это почувствовала сполна.

Собрание затянулось. Учителя переглядывались и спра-

шивали друг друга, когда можно уйти. Анна Николаевна встала первая и направилась к выходу. У двери она обернулась.

– Я не собираюсь в этом участвовать! Оставьте ребёнка в покое! Таких учениц, как Яна, у меня за всю педагогическую практику было всего несколько, на пальцах одной руки пересчитать! А Елена Валерьевна – хороший педагог, которого любят дети. Что касается её диплома – это не ваше дело!

Вслед за Анной Николаевной вышла из кабинета директора и я.

– Не плачьте, Елена Валерьевна, – попыталась успокоить меня коллега. – Молчанова всегда была стервой. Ещё в белой школе издевалась над детьми учителей. Когда-то учитель английского языка не поставила ее дочери в аттестат пятерку, и дочь лишилась золотой медали.

– А моя дочь тут причем? – не выдержала я и расплакалась снова.

– Она еще тогда прилюдно поклялась на педсовете при всех, что будет мстить, пока работает в школе.

– Но это же бред! Кому мстить? Всем подряд?

– Согласна. Бред. Меня сразу предупредили, что с ней лучше не общаться, а если и приходится общаться, то это нужно делать очень и очень осторожно. Вы не представляете, я тоже однажды стала её жертвой. Мы как-то отмечали в школе День Учителя, позже пошли прогуляться. И тут всем захотелось кофе. Я жила ближе всех и пригласила зайти ко

мне. У меня не было идеального порядка в доме на тот момент, я не ждала никого и не собиралась приглашать. Так получилось. Когда мы расселись на кухне, я налила в чашки кофе, мы выпили, пообщались, и гости ушли. На следующий день я услышала в учительской от коллег, что Молчанова всем подряд рассказывала обо мне гадости: у меня дома жуткий бардак, и все чашки, из которых мы пили кофе, были грязные. Молчанова возмущалась на каждой перемене, и всем говорила одно и то же: «Как можно так жить? Такая грязь дома! Ещё и в гости нас позвала!»

– Я не удивлена, – сказала я.

– Так что не расстраивайтесь, у Вас великолепная дочь! И Вы – хороший учитель! А достижения у Вас впереди! Ещё эту «звезду» перещеголяете!

Калужская область 2012 год

Самым главным своим достижением я считала победу в конкурсе «Лучший учитель России», приоритетный национальный проект «Образование». Два трудных года я готовилась к участию в этом конкурсе. Когда я, наконец, собрала документы и свои заслуги, в Калуге моя папка не прошла проверку. Мне сказали, чтобы я сократила список достижений на двадцать листов. Дело в том, что допускается к рассмотрению только тридцать печатных листов достижений. У меня было пятьдесят два. Долго думала, как сократить то, что наработала своим тяжким трудом. Сократила до сорока

и снова приехала в Калугу, чтобы сдать свою папку. Женщина, принимающая документы, сказала:

– Ужас! Столько достижений не бывает! Сократить!

– Я не могу больше сокращать, потому что не понимаю, что выкинуть из папки достижений. Вдруг то, что я выкину, для комиссии будет как раз важным.

– Как хотите, – сказала мне она. – Только вот, что я Вам скажу. Если у кого-то будет столько же баллов, сколько и у Вас, а у этого человека с количеством листов в папке будет порядок – выкинут Вашу папку!

Но я так и не стала ничего сокращать и подала документы так, как было.

Время тянулось медленно. Я ждала результатов конкурса. По десять раз на день открывала сайт Министерства Образования, чтобы убедиться, что результаты ещё не выставили. Но в очередной раз, когда я открыла страницу с результатами, я увидела заветную новость – «Итоги конкурса «Национальный проект «Образование». С волнением я открыла документ ... и не увидела себя в первой «шестерке». Я опустила глаза дальше. Увидев свою фамилию на двенадцатом месте, немного пришла в себя. По итогам конкурса я входила в число победителей. Но не «путинского» масштаба, а «аникеевского». Аникеев Александр Сергеевич, министр образования Калужской области, который клятвенно заверил учителей, что вторая шестерка тоже станет победителями. Но меня удивило то, что в документе было выделено только пер-

вые шесть учителей-победителей. Я набрала номер куратора конкурса.

– Добрый день, я звоню по поводу итогов конкурса. Скажите, пожалуйста, те, кто попали во вторую шестерку, считаются победителями? По положению конкурса, во всяком случае, так должно быть.

Её ответ меня убил:

– Нет, выиграли только первые шесть учителей, в области денег нет, поэтому в этом году будут только «путинские».

Я отключилась и разревелась. Деньги мне бы конечно не помешали, я влезла в большие долги из-за ремонта своей квартиры. Но дело было далеко не в деньгах. Меня поймут только амбициозные учителя. Я хотела выиграть для себя, для родителей, даже для школы. Хотела, чтобы мною гордились. Несколько недель я об этом даже не вспоминала. Но как-то, сидя за компьютером, я наткнулась на он-лайн приёмную министра. У меня сразу возникла мысль задать вопрос. Зачем же ещё такие приемные создаются? Я, недолго думая, сочинила вежливое сообщение и нажала «отправить».

Через день я получила на сайте ответ. Министр вежливо сообщил мне, что все «аникеевские» победители таковыми считаются и получают свои сто тысяч.

Пока мы с ним вежливо переписывались, он вызвал «на ковер» нашего руководителя отделом образования и, я думаю, уже не очень вежливо задал ей вопрос о том, почему её

подопечные ничего не знают о результатах конкурса? Пошла цепная реакция.

На следующий день в школе меня пригласил директор:

– Елена Валерьевна, почему Вы не посоветовались со мной прежде, чем общаться с министром?

Его тон мне не понравился.

– А почему я должна спрашивать у Вас, с кем мне вести переписку? Мы живем в свободной стране, министры открывают линии общения в интернете. Зачем? Правильно – чтобы мы могли задать им вопрос. Я в Твиттере могу с кем угодно пообщаться в комментариях. Общалась с Соловьевым, Канделаки, Кадыровым и т.д. Чем министр образования Калужской области хуже?

– Вы меня подставили и Людмилу Анатольевну тоже. Её вызывали к министру.

Вот Людмилу Анатольевну я меньше всего хотела подставлять. Тут я расстроилась сразу. Её не любили в школах. Вероятно, просто боялись или завидовали. Это была наша заведующая отделом образования Жуковского района. Мне она всегда нравилась: властная, умная и красивая женщина. На следующий день я сделала распечатку нашей с министром переписки и отдала директору.

– Найдите тут то, что, по Вашему мнению, «подставляет» Вас и Людмилу Анатольевну.

Директор долго читал, но страшного ничего не нашел и отпустил меня с миром. А я тем временем собиралась на гу-

бернаторский бал. Дочь согласилась меня отвезти.

– Маам, мне страшно, я не знаю, о чём с ней разговаривать. Давай ты сядешь на первое сидение? – сказала Яна.

– Ян, мы гостя посадим на заднее сидение? Ты молчи, я попробую общаться с ней сама.

Мы ехали на губернаторский бал по случаю награждения лучших учителей Калужской области. У отдела образования не оказалось машины на тот момент, и мы обещали забрать Людмилу Анатольевну. Я немного волновалась, так как не очень люблю ездить с незнакомыми людьми, но бояться её я не боялась. Мне вообще никогда не ведом был страх перед начальством.

Зря я переживала. Меня никто в машине не замечал. С первых минут Яна и начальник отдела образования Жуковского района «нашли друг друга». Они не замолкали всю дорогу до Калуги. Я сидела и улыбалась. Яна ей понравилась, а Янка была в восторге от неё.

Бал у губернатора запомнился. Было красиво, торжественно и как-то по-домашнему, без особого официоза. В Министерстве образования за неделю до этого мне было некомфортно. И вот почему.

Приём был торжественный: с концертом и приветственными речами. Когда Аникеев назвал мою фамилию, чтобы вручить грамоту, он сразу напрягся и смотрел на меня, пока я к нему добиралась. Отдав мне грамоту, он не выдержал.

– Ну вот, Елена Валерьевна, а Вы волновались за деньги!

Стало безумно противно. Я дотянулась до его уха и сквозь громкую музыку прокричала.

– Не поверите! Но нужна была только бумажка, которую Вы мне сейчас вручили. Я крайне амбициозная, а не бедная!

Потом пресса будет отмечать момент, что мы с ним о чем-то успели «на ухо» поговорить. Но мне было всё равно. Что хотела, я ему сказала. Когда мы фотографировались, и я снова подошла к нему, он уже улыбался.

Открыто улыбаться я научилась еще в детстве, когда часто подходила к гардеробу, смотрела на мамину одежду и уговаривала себя: «Вот же её платья висят, значит, она не навсегда уехала, значит, вернется за мной, заберет меня к себе». Но моя маленькая детская уверенность таяла с каждым днем. Я очень скучала по ней. Она мне казалась нереальным сном: красивая, молодая, как с экрана телевизора. Я помню, что одна из дикторов первого канала была чем-то похожа на неё. Я смотрела все новости и представляла, что это моя мама, я с ней даже разговаривала. Бабушка – вот кто мне был единственным и близким человеком. С того времени и навсегда. Её нет со мной уже много лет, и для меня её уход – невосполнимая потеря.

Бабушка для меня была как Бог. Но я всё равно не понимала, почему все мои друзья жили с мамами и с папами, а я с бабушкой. Когда меня брали в парк родители моих подруг,

это было праздником. Я никогда не забуду эти прогулки. Бабушка со мной тоже ходила в парк, но это было крайне редко. Центральный парк ефремовцы называли горсад. Я помню каждую статую, каждую клумбу и карусели, на которых меня катали чужие родители. Из самой дальней части горсада была видна речка Красивая Меча. Я любила смотреть на нее. Однажды я потерялась, остановившись у места, оттуда наблюдала реку. Я знала, как идти домой, но на улице уже темнело, я жутко испугалась. Испугались и родители моей подруги, больше они меня на прогулки не брали. От страха потерять или потерять бабулю, я безумно к ней привязалась. Я даже спала с ней за руку, чтобы она никуда от меня не делась. Когда я болела, а болела я по две недели в месяц, бабушка всё время проводила у моей постели, даже спала сидя. Она рассказывала мне самые интересные истории из своей жизни, а для меня это было счастливое время, даже несмотря на то, что я тяжело переносила свою болезнь. Каждый раз, в самый пик болезни, я думала, что умру. Я просила бабушку не вызывать мне врача, так как очень боялась, что меня положат в больницу. Бабуля меня лечила не медикаментами, а народными средствами. Но если учесть то, что у меня начиналась открытая форма туберкулеза, бабулины припарки на грудь мне не помогали. Когда мне стало совсем плохо, бабушка всё же вызвала врача. Случилось то, чего я больше всего боялась – меня срочно отвезли в больницу. Ни один врач не увидел ничего страшного в моём состоянии.

Рентген был отличный, как сказали «специалисты». Через неделю меня выписали из больницы. Я вернулась домой и через два дня снова заболела. Моя вторая бабушка Настя часто навещала меня во время болезни, достав по блату кусочек сырокопчёной колбаски и маленький свежий огурчик из теплицы. Вкус этой колбасы был божественный. Это была колбаса из мяса, жесткая, с таким ароматом, что не передать словами! Сейчас, когда я вижу заполненные продуктами магазины, я часто грустно улыбаюсь и вспоминаю тот момент в моей жизни, когда запах свежего огурца зимой делал меня счастливым человеком. И никогда ничего вкуснее я в своей жизни не ела. Весь вкус настоящих продуктов остался в моем детстве.

Настя жила в посёлке, который располагался недалеко от города. Для меня это было сказочное место. Поездки на автобусе в ее дом я тоже рассматривала как самое настоящее приключение. Посёлок от города разделяли два холма. Чтобы добраться до дома Насти мы спускались вниз по одному холму, а затем поднимались вверх по другому. Посёлок стоял на берегу речки, дома там были свои, с садами, огородами. Все дома утопали в зелени. Дом Настин я помню очень хорошо. Все комнаты были разные: зал был огромный, а вот спальни маленькие и уютные. Спать я одна там тоже жутко боялась. Всегда ждала Настю, чтобы она со мной посидела, пока я засну. В моей любимой комнате днем был потрясающий вид из окна. Совсем рядом стояли высокие вишнё-

вые деревья, и когда ночью поднимался ветер, деревья своими ветками всегда стучались в окно. Было страшно. Я представляла себе, что они – сказочные чудовища. Их тени, разбросанные по комнате, неприветливо размахивали своими длинными руками и пугали меня еще больше.

Все свои страхи я приобрела еще в детстве. Они настолько плотно засели у меня в голове, что избавиться от них я так и не смогла. Я ужасно боялась оставаться одна дома. Однажды моя тетя взяла меня с собой в Воронеж. Не знаю, чем я заслужила такую честь. Я ее любила – она меня нет. Когда она приезжала к нам, это для меня было грандиозным праздником. Она всегда привозила из Воронежа целую сумку вкусностей, которых не было в Ефремове. В Воронеже я чувствовала себя так, как, наверное, чувствовала себя через сорок лет в Лондоне. Тот воронежский мир, как и мир Лондона, казался мне сказкой. В моём любимом провинциальном Ефремове такого не было. Во всех этих моих детских приключениях был только один минус – Шурина работа. Тётя уходила в ночную смену, а я боялась спать одна. Однажды я закатила такую истерику, что на следующий день, тетя Шура взяла отгул и отвезла меня обратно в Ефремов.

Все девочки из нашей семьи родом из Ефремова. Кроме моей дочери, которая родилась уже в Московской области. Я очень люблю этот провинциальный городок. Корни наши тянутся из села Пушкарское Ефремовского района. Появление оседлого населения на территории Ефремова относит-

ся к концу XVI века. Немногочисленные «охочие люди» занимались бортничеством. Тот или иной участок лесных угодий получал наименование по личному имени или прозвищу владельца. Одним из таких участков был Ефремовский лес. Несмотря на то, что в Ефремове я жила достаточно долго, в этом лесу я была лишь один раз. Из воспоминаний остались голубые подснежники. Их там было очень много. Настолько много, что земля под ногами казалась голубая.

При Петре I все населявшие город служивые люди, не являвшиеся дворянами, были переведены в разряд государственных крестьян-однодворцев. Принадлежащие им земли постепенно передавались в собственность помещиков, которые заселяли их крепостными. Мои предки как раз и принадлежали к однодворцам. Бабушка очень обижалась, когда нашу семью называли крестьянами и всегда исправляла: «Мы – однодворцы, а не крестьяне! У нас были свои рабочие».

Поселок Заречный 1980 год

О любви и красоте наш учитель по русскому языку и литературе могла говорить бесконечно. Это была добрая и милая женщина, знающая свой предмет безукоризненно. Она мгновенно отвечала на любой наш вопрос, прекрасно знала биографии всех поэтов, писателей, читала стихи наизусть и умело вела свой предмет.

Я сидела с Натальей за одной партой, за нами сидели Олег и Сережка. Наталья оглянулась на Него и толкнула меня:

– Что Он на тебя все время смотрит! Надо Олегу сказать, может он ничего не замечает?

– Наташ, оставь Его в покое! Посмотрит и перестанет, – ответила я.

Сказав эту фразу, я поймала себя на мысли, что мне не хочется, чтобы это случилось. Я не понимала, почему я не могла Его отпустить. Я была счастлива, влюблена в Олега, но думала о Нём. Причём постоянно. Он продолжал находиться в нашей компании, мне было интересно за Ним наблюдать. Было заметно, что Ему некомфортно с нами. Олег постоянно демонстрировал нашу с ним любовь. Причем мне казалось, что именно перед Ним театр Олега раскрывал свои двери шире.

Тема любви на уроках литературы была сейчас очень кстати. Я была просто поглощена ею.

– Как вы думаете, почему автор говорит о любви как о чувстве временном, непостоянном? – спросила Анна Ивановна. В следующий момент она посмотрела на Него и попросила ответить на этот вопрос. Он встал и уверенно ответил:

– Видимо, нет на свете ничего постоянного. Автор об этом знал. Любви не существует.

– Я не согласна с тобой, – сказала Анна Ивановна. – А как же «Ромео и Джульетта»?

– «Ромео и Джульетта»? Бред. Вымышленный бред Шекспира.

– Как? Как ты можешь так об этом говорить? Объясни

классу, что ты имеешь в виду.

Я сидела и ждала бури. Я понимала, что этот разговор имел прямое отношение к нашему треугольнику и Его разочарованию. В классе стояла мёртвая тишина.

– «Ромео и Джульетта» – это трагедия, в которой изображается столкновение героя с миром, его гибель и крушение идеала, – Анна Ивановна пыталась Его вразумить. – Ромео полюбил так сильно, что готов был отдать жизнь за свою возлюбленную. Это произведение – гимн торжествующей любви.

– Это произведение – гимн глупости! За день до встречи с Джульеттой, Ромео преклонялся перед другой. «Любовь юнцов не в душах, а в глазах», – Он процитировал Шекспира.

– Это можно понимать по-разному, – ответила Анна Ивановна. – Любовь требовательна: человек должен быть борцом. Ромео – борец! Его чувства к Розалине были подготовкой к настоящим чувствам.

– Ромео – дурак, – спокойно сказал Он. – Борец? За что? За чувство, которого нет? И вообще, пьеса не о любви, а о том, к чему может привести упрямство и злоба как раз взрослых людей.

– Да что с тобой сегодня? – удивленно спросила Анна Ивановна.

Вместо того чтобы ответить, Он, выдержав небольшую паузу, вышел из класса. Даже в современной школе это было бы слишком – демонстративно выйти из класса без разреше-

ния учителя, что уж говорить о том времени!

– В чём дело? Кто знает? – заволновалась Анна Ивановна. Она была исключительно чувственным человеком и поняла, что что-то случилось. Гневаться она не стала.

И тут я, совсем не понимая почему, подняла руку и спросила: «Анна Ивановна, можно мне выйти?»

Наталья дернула меня за платье и прошептала что-то гневное. Олег бросил тоскливо-убийственный взгляд в мою сторону и уткнулся в книгу.

Я выскочила на улицу и сразу увидела Его. Он стоял во дворе школы, разглядывая песок под ногами.

– Что с тобой? Чем тебе Шекспир не угодил? – спросила я громко.

– «Иду к тебе... И за твоё здоровье пью, Ромео». Ты бы так смогла?

– Сложный вопрос. Нужно любить друг друга так, как они. Может и смогла бы.

– Алёна, это сказка.

– Зато красивая.

– Ничего красивого в этой истории я не вижу, – Он не смотрел на меня. – Ты зачем вышла за мной? Поговорить о Шекспире?

– Нет, не о нем. Я не знаю. Это трудно объяснить. Что с тобой происходит? Я понимаю, что всё получилось не так, как ты хотел. Я, наверное, виновата перед тобой, прости меня. В твоих глазах я предательница. Я, правда, не хотела, чтобы

так вышло. Давай забудем всё, и каждый будет жить своей жизнью. Мне некомфортно в классе, если честно.

– Перестань! Не надо извиняться. Этого ещё не хватало. Ты с тем, кто тебе оказался нужнее, чем я. Это ты была для меня воздухом, сном, пищей – всем. Это я – неудавшийся Ромео. Такие чувства редко бывают взаимны. И зря ты вышла за мной, Олегу это не понравится. Иди в класс.

– Прекрати решать, что понравится, а что не понравится твоему другу! – разозлилась я.

– Я не решаю, я знаю. Я его знаю лучше, чем ты. Мне бы это не понравилось. И вообще, за меня не волнуйся, у меня уже всё в порядке. Я снова начинаю с чистого листа.

– Правильно. Тебе нужно общаться, встречаться с хорошей девушкой. Вон сколько их у нас в школе!

– Я уже начал встречаться с хорошей девушкой, тебе ещё не сказали?

– Когда у тебя появилась девушка? – я подумала, что он врёт. Эта новость поставила меня в тупик, я покраснела.

– Недавно. Это Наташина бывшая подруга. Когда-то они очень хорошо дружили. До тебя. Всё было до тебя. До тебя я жил спокойно.

– Если у тебя на личном фронте всё прекрасно, то почему такой грустный? У тебя ещё какие-то проблемы?

– Алёна, я сам разберусь со своими проблемами. Пожалуйста, уйди!

Тогда в первый раз я увидела в Его глазах слёзы. Он резко

отвернулся, заметно смутившись, и пошёл по направлению к выходу. Я обернулась, на крыльце школы стоял директор.

... Классная залетела в кабинет, как молния. От её визга у меня заложило ухо.

– Что вы вытворяете? А? Меня сейчас вызывали к директору за ваше поведение!

– А что случилось? – спокойно спросил Витя.

– А вы не знаете? Вы все заодно! Притворяетесь?

– Да нет, мы просто не понимаем, по какому поводу скандал, – продолжил мило разговаривать с ней Витя.

Я смотрела на моих молодых людей и удивлялась их спокойствию. Они сели вместе, хотя классная их давно рассадилла и запретила им даже думать о том, чтобы вместе сидеть за одной партой.

– Наташ, кто сказал директору? – прошептала я.

– Я понятия не имею, из класса тогда выходил только Олег. Он к вам вышел?

– Нет, я его не видела. Мы с Ним разговаривали минут пять, потом я увидела на крыльце директора. Странно.

– Неужели ты думаешь, что Олег мог пойти к директору по этому поводу? Это бред!

– А что ты так кинулась его защищать? Я вроде его не обвиняю. Но кто-то же сказал директору?!

– Ну, вы даёте! – сказал нам на перемене Серёжка. – Вы бы еще и Олега с собой с урока забрали. Уж разбираться, так разбираться. Нашли время и место.

– А Олег и вышел! – задумчиво сказала Наталья. – Странно это всё!

– Серёж, кому Олег рассказал, что случилось на уроке литературы? – спросила я.

– Вы с ума сошли? Плохо, что твой поклонник не вернулся на уроки, так бы можно было как-то замять.

– Серёжка, замолчи, и так «весело». Что им теперь будет за этот цирк? – волновалась Наталья. – И он уже не ее поклонник. Не знаешь – молчи лучше!

– Да ничего не будет. Тетя Ира меня защитит, – уверенно сказала я.

– Тебя – да! А Его? – спросил Серёжка.

Вот в этом я сомневалась. Тётя была абсолютно не в курсе моих сердечных дел.

Шёл урок физики. Вдруг дверь резко открылась, и зашла завуч по учебной части.

– К директору на следующей перемене вызывается..., – она сделала паузу и совершенно неожиданно из её уст прозвучала лишь одна фамилия. Моя.

Класс замер. Все на меня смотрели, как на жертву, которую через десять минут всем племенем отдадут дракону. Это сейчас современных детей не испугать никаким директором, раньше это был приговор. Всё же я не очень расстроилась, чувствуя в школе родственную поддержку.

– А что она сделала? Её Анна Ивановна сама отпустила с урока! – загудел класс.

– Пусть вместе идут к директору! – предложил кто-то.

Он поднял руку.

– Валентина Ивановна, я вышел без разрешения, я и виноват. Я пойду к нему. Алёна тут ни при чем.

Олег недовольно посмотрел на своего друга. Все одноклассники и учителя меня называли Лена. В имени «Алёна» было что-то личное, интимное. Олег сидел молча, но по его лицу можно было прочесть его настроение и состояние. Я была удивлена другим: обычно, если кто-то хоть слово говорил в мой адрес, которое ему не нравилось, Олег вскипал. Сейчас же мой парень хранил абсолютное молчание.

– Я сейчас с вами тут разбираться буду? – закричала завуч. – Устроили адвокатуру! Лена! Без опозданий! Сразу после звонка в кабинет директора!

Директор пригласил кроме меня ещё одного завуча и классного руководителя, но пришла и Анна Ивановна, учитель русского языка и литературы.

Директор начал разговор:

– Лена, любую историю любви нельзя выпячивать на всеобщее обозрение. Что вообще происходит у вас? Учиться надо, а не влюбляться! Выпускной класс!

Мне стало неловко. Моя неловкость вылилась практически в дерзость, чего я сама от себя не ожидала.

– А что вообще происходит? Почему вы говорите здесь о моей личной жизни?

Классный руководитель вдруг выпалила:

– Эта компания всему классу мешает учиться!

– Надежда Викторовна, мы никому не мешаем учиться, мы вообще никого не трогаем. Все прекрасно учатся.

Директор бросил гневный взгляд на меня, ему не понравился мой ответ.

– 10 класс! А занимаетесь непонятно чем! Любовь у них! Ты мешаешь учиться им обоим. – Директор снова перешел на наш треугольник. – Они никак не разберутся в своих отношениях! Им экзамены сдавать! И тебе, кстати, тоже. Я случайно выглянул в окно, а там вы отношения выясняете! Урок идет! За партами должны быть!

– Сдадим мы экзамены. Не беспокойтесь, – ответила я. Директор развеял мои сомнения. Я мучительно думала, что Олег как-то умудрился сказать ему об этом. Теперь от сердца отлегло.

– Ты идешь на медаль, а медали у тебя не получается! Уже плохо, – сказал директор.

– Переживу без медали, – уверенно ответила я.

Тут встала Анна Ивановна. Она очень меня любила и начала разговор издали. Сказала администрации о моих успехах в её предмете, рассказала, какая я отзывчивая, умная и т.д.

– Если мальчики не разобрались до сих пор между собой – это их вина. Девочка красивая, мальчики – лидеры в классе. Такая ситуация вполне предсказуемая. Я думаю, тут нечего лезть в душу. Пусть разбираются сами.

Завуч встала и начала свою песню:

– Я категорически против всяких отношений учеников в школе. Я с вас глаз не спущу!

Завуча мы прозвали «Макака». Это было не очень красивое прозвище, но она реально была похожа на обезьяну, ненавидела подростков, пыталась их уличить во всех смертных грехах. После этого собрания она стала следить за нами. Она надеялась увидеть у нас выпивку или сигареты. Было смешно видеть крадущуюся женщину, завуча школы, которая следила за учениками. Мальчишки наши не пили, не курили. Олег курил, но отходил всегда на большое расстояние от нас. Уличить нас в чём-то плохом было трудно, но она очень старалась. Мы часто гуляли в тайге, она сидела за кустами и ждала, пока что-нибудь начнется. Но ничего не начиналось, мы просто общались, смеялись, в том числе и над ней. Как-то мальчишки предложили купить детское шампанское и начать распивать на природе. Мы так и сделали. Взяли фрукты, стаканы и 2 бутылки лимонада. Накрыли столик на берегу озера и стали открывать бутылки. Вряд ли из-за кустов она бы увидела, настоящее это шампанское или нет. Как только она увидела картину открывания бутылки, выбежала и начала кричать, что вот теперь-то она добьётся исключения из школы всей нашей компании. Олег подошел к ней вплотную, вытянул перед ней бутылку лимонада и спросил: «За это исключите?»

На этом её слезкам пришел конец. Мы победили. Но

неприятности не закончились.

Калужская область 2003 год

Конфликт с классным руководителем моей дочери шел по пути «чем дальше, тем страшнее». Молчанова не понимала. Нами было принято решение поменять школу. Когда мы с Яной пришли с документами в первую школу, директор внимательно выслушала нашу историю и, кажется, не удивилась. Правда, я о многом умолчала. Сказала только, что поконфликтовала с учителем истории, и теперь она не дает жизни моему ребенку. Но в подробности вдаваться не стала. Я не знала, как Лидия Ивановна относилась к Молчановой, и поэтому не хотела сделать ещё хуже Яне. Директор задумалась.

– А Вы не желаете перейти к нам работать? Правда сейчас много часов я Вам не обещаю, но в будущем всё может быть, – сказала она.

– Я подумаю, спасибо Вам огромное.

– А почему ещё одна девочка из вашей школы тоже переходит к нам? Только сегодня документы видела.

– По этой же причине.

– Она там не на шутку разошлась? – улыбнулась директор. – Передайте ей, что я приму всех потенциальных медальстов, пусть буянит дальше!

Я видела, что она хотела меня поддержать, и я была в тот момент очень ей благодарна.

– Единственное, что я могу Вам сказать неутешительное,

это то, что программа в нашей школе разительно отличается от той, по которой учились вы. Учебники разные, часы разные. Это может серьезно сказаться на успеваемости, аттестат особого образца может и тут не получиться. Тяжело будет девочкам. Но я сделаю всё возможное, чтобы им было у нас хорошо, не переживайте.

– Спасибо ещё раз, – ответила я и вышла из кабинета.

Яна несколько дней чувствовала себя нормально в новой школе, на шестой день она пришла домой и прямо с порога заревела.

– Мама, мне там плохо.

– Ян, ты же с Олей, – сказала я убитым голосом. Это была та девочка, которая не выдержала нападок Молчановой и, проявив солидарность с моей дочерью, тоже оказалась тут. Но ни Яне, ни Ольге школа не понравилось.

Я понятия не имела, что мне дальше делать. Школ больше не было, возить её в Протвино я не могла. Я сказала директору, что хочу дочь и её подругу вернуть в свой класс. То, что я услышала в ответ, повергло меня в глубокий шок.

– Собирайте подписи учителей и детей, что они все не возражают.

– Как?– я не верила своим ушам. – Это же унижение!

– Я сказал, что нужно сделать, идите. Я занят.

Я вышла из кабинета и разревелась.

На следующий день, я написала два унижительных прошения. Одно для учителей, другое для Янкиных одноклассни-

ков. Я подходила к каждому учителю и молча подсовывала им эту бумагу. Мне было стыдно, как будто я натворила что-то ужасное. На меня смотрели с сочувствием и с жалостью. Некоторые с презрением. К самой Молчановой я не подошла. Дети по-разному отнеслись к тому, о чём я попросила. Чехов и его друзья намеренно от меня бегали, как только узнали о той бумаге. Я их так и не смогла найти. Некоторые девчонки тоже не стали подписывать. Я до сих пор содрогаюсь, когда вспоминаю, чего мне это стоило. Даже просить милостыню, я думаю, мне было бы не так стыдно.

Девчонки через два дня вернулись в тот же класс. Историю теперь моя дочь учила наизусть. Если она запинаясь при ответе, Молчанова её сажала и ставила «три». В классе ученики стали говорить о том, что происходит с Молчановой, уже не стесняясь. Многие были возмущены её поведением по отношению к Яне. Некоторые прямо на уроках стали делать Молчановой замечания о её предвзятом отношении. Но её это только забавляло. На переменах в учительской она говорила: «Боже! Какая у Елены Валерьевны тупая дочь! Ну, кто бы мог подумать».

Приближался май. Мы начали готовиться к экзаменам и к 10 классу. Яна подала заявление в 10 «А» класс. По сложившейся традиции в апреле уже практически все знали списки детей, подавших заявление в десятые классы, кто будет классными руководителями десятых классов, и кто будет вести предметы. Эта информация была полезна и учителям, и

ученикам. Учителя могли уже потихоньку готовиться к новому учебному году, прикидывая контингент детей, а ученики тоже могли подумать, какой класс им выбрать, или даже уйти в колледжи и техникумы, если не устраивал набор учителей или классный руководитель.

Однажды в мой класс вошли две женщины, я приветливо пригласила их войти. Я улыбалась им открытой улыбкой и даже не представляла, с чем пришли ко мне родители.

Всё, что происходило потом, я запомнила навсегда. Они мне угрожали, обзывали мою дочь, требовали убрать Яну из их класса. Говорили о каких-то условиях, которые им выдвинула будущий классный руководитель их детей.

Первая мысль, которая промелькнула у меня, пойти сразу к директору. Но я знала, что семья директора нашей школы и семья Молчановой «дружили домами». Понятно было сразу, на чью сторону снова встанет директор.

Я только внятно помню свою последнюю фразу:

– Да что вам моя дочь сделала? Она у меня – золото.

– Вот и забирайте своё золото, а наших серебряных оставьте в покое, – сказала одна из мамаш, подосланных Молчановой.

Это было ужасно. Сейчас я не понимаю, как я это все выдерживала, но все испытания были еще впереди.

Шёл экзамен по математике. Я дежурила у кабинета и не очень волновалась за результат. Я знала, что Яна легко решит все экзаменационные задания.

– Ох, какая у Вас Яна молодец! Всё решила, да ещё и нестандартным способом! – сказала Ирина Витальевна, ее учитель по математике. Она бегала между двумя кабинетами, где шли экзамены, и сама волновалась не меньше, чем родители и дети.

– Спасибо, Ирина Витальевна! – сказала я, абсолютно успокоившись.

Когда экзамен закончился, мы с коллегой зашли в класс, откуда только что вышел последний экзаменующийся. Учитель математики взяла тетрадь моей дочери на проверку. В этот же момент я услышала голос председателя комиссии: «Я сама буду проверять эту работу». Она взяла ручку с красными чернилами.

– Мы работы медалистов проверяем сначала карандашом, – попыталась напомнить председателю учитель.

– Я сама решу, как мне проверять.

Следующие пять минут я стояла и смотрела, как председатель комиссии, по совместительству подруга Молчановой, черкала красной ручкой в экзаменационной Янкиной тетрадке.

– Мне только что ведущий учитель сказала, что Яна нестандартным способом решила эти задания. Я не математик, но я хорошо знаю, что такие решения, наоборот, ценятся выше, а не перечеркиваются, – сделала я последнюю попытку защитить Янкин аттестат.

– Мне виднее, что ценится. Я не понимаю, откуда вытека-

ет правильный ответ. Значит всё списано.

– У кого? Такого решения нет ни у кого в классе!

– Значит, списано с ответов.

– Она ничего не списывала!

– Елена Валерьевна! Не мешайте работать, нам ещё много работ проверять.

И она демонстративно, поставив отметку «4», захлопнула тетрадь.

Выбежав из кабинета, я столкнулась с завучем, первой Яниной учительницей. Я возложила на нее такую надежду, что практически успокоилась. Я очень долго ее просила, но она сделала вид, что не понимает, в чем состоит моя просьба. Более того, сказав, что ей некогда, она просто развернулась и стала спускаться вниз по лестнице. Я стояла и смотрела ей в след, и слезы снова полились ручьем от обиды.

Через минуту, вспомнив, что сейчас некогда лить слезы, я побежала к директору. Он даже не стал меня слушать.

– От меня Вы что хотите? Значит, работа была плохая. Не дотянула.

– Работа была великолепная! Мне учитель математики сказала! Это была самая лучшая работа в классе! Помогите, пожалуйста. Несправедливо же! – пыталась я исправить ситуацию, пока не поздно.

– Я ничего не могу поделать.

В то, что он ничего не мог поделать, я крепко сомневалась. Еще до пресловутого ЕГЭ экзамены шли в спокойной обста-

новке в стенах родной школы. Учителя, которые не входили в состав комиссии, дежурили на разных этажах перед кабинетами, где шел экзамен, обеспечивая порядок и тишину. Как-то и я попала в этот состав.

Шел третий час экзамена по русскому языку. Мы с коллегой расположились у двери кабинета и занимались отчетами. Изрядно уставшие от бесполезного времяпровождения, мы радовались, что скоро наступит конец нашим мучениям. Вдруг открылась дверь, и выбежала учитель русского языка, за ней вышла председатель комиссии. Они подошли к нашему столу. Обе были растеряны.

– Что делать будем? Я не представляю, что будет! – сказала учитель русского языка.

– Подожди, время еще есть, – ответила председатель комиссии.

Нас этот разговор заинтриговал.

– А что случилось? – спросила моя коллега.

– Да наша медалистка не справилась с работой! Не получилось сочинение. Не раскрыла тему.

Когда я услышала фамилию медалистки, то жалостью я не прониклась совсем. Эта девочка была высокомерной до предела. Когда-то она училась в моем классе. История, после которой она ушла в другой класс, потрясла бы кого угодно. Произошло это через неделю после моего официального назначения классным руководителем 11Б класса.

Мы спокойно болтали с коллегами в столовой, как вдруг

она вихрем подлетела к нашему столу и начала кричать:

– Елена Валерьевна! Я же просила Вас не сажать меня с Димой!

– Аня, успокойся, – тихо сказала я. – Сейчас приду в класс, и мы разберемся.

– А можно побыстрее? – резко сказала она и отошла от стола.

Моя коллега, сидящая рядом, подавилась соком.

– Это сейчас что было? – спросила она.

– Голубая кровь нашей школы, – ответил кто-то из учителей, и все рассмеялись, но мне было не до смеха.

Я все же спокойно закончила обедать и поднялась в свой кабинет. В кабинете была тишина, что в моем классе бывало нечасто. Аня стояла у доски, взяв в руки свои вещи.

– Аня, что с тобой? Я пересадила вас так, как считаю нужным! Зачем так возмущаться? Почему ты не хочешь с ним сидеть? – спросила я.

– Он меня недостойн! – резко ответила она.

Некоторые потеряли дар речи, другие собрались кинуться в атаку, но я подняла руку, призывая их к тишине.

– Аня, ты знаешь, что вы для меня все равны! Что значат твои слова?

– Если Вы не пересадите от меня этого, я вообще уйду из класса.

– Уходи, – абсолютно спокойно ответила я.

Мои ученики одобряюще посмотрели на меня. Кто-то за-

аплодировал.

Сначала она опешила, ожидая чего угодно, только не этих слов. Все ученики моего класса молчали и ждали, что будет дальше. Она ударила кулаком по стене, развернулась ко мне и прямо в лицо прокричала:

– Вы еще очень пожалеете об этом! Счастливо оставаться с вашими плебеями.

Она вылетела из кабинета и больше туда не вернулась. В этот же день ее перевели в другой класс. Мои дети были безмерно рады, что она ушла. С той поры все ее называли «голубая кровь». Здраваться со мной она перестала, а ее мама, которая работала в школе медсестрой, стала разносить обо мне разные мерзкие слухи.

Именно поэтому сейчас я не прониклась ситуацией совсем. Мне было все равно, получит ли она медаль или нет. А вот мои коллеги переживали за нее не на шутку. Одна из них спустилась к директору. Через минут десять она счастливая подбежала к нам.

– Все! Пошли писать за нее сочинение! Всех выпускай, а ее оставим. Будет переписывать.

В этот день до четырех часов три русоведа писали за «голубую кровь» экзаменационную работу. Отметка за экзамен была отличная, медаль ей вручили, а вот свою мечту она так и не исполнила. Ни в один элитный вуз не поступила. Выучилась на учителя истории.

Эту ситуацию я и припомнила директору.

– Но Вы же пересматриваете работы медалистов, я же это знаю, за некоторых медалистов учителя даже писали сочинения на экзаменах! Я в этой школе работаю, что тут скроешь! Прошу только поговорить с математиками и пересмотреть Янину работу!

– Никто и ничего пересматривать не будет. Я доверяю председателю комиссии. Она сильный учитель и достаточно компетентна! – отрезал директор.

Я несколько минут стояла после этого разговора в оцепенении, пока из кабинета снова не вышла Ирина Витальевна. Она подошла ко мне и приобняла.

– Не расстраивайтесь Вы так, я ей «5» в аттестат всё равно поставлю.

Я немного успокоилась, наивно полагая, что аттестат «особого» образца все ещё есть надежда получить. С 9 классами мне пока не пришлось работать и положения, по которому выдается такой аттестат, я не знала.

На педсовет с повесткой дня об окончании года, я шла с плохим предчувствием. Отчет классного руководителя 9 «А» класса начался с главного:

– У меня пять аттестатов особого образца, – торжественно начала Молчанова.

Я прислушалась внимательнее – должно же быть шесть!

– Одна не дотянула, не справилась! – прокричала с глубоким удовлетворением Янину фамилию классная.

В этот момент я с огромным трудом подняла на неё глаза

– это был не только её звездный час! Она смотрела на меня в упор и смеялась. Это продолжалось несколько секунд, но мне эти секунды показались вечностью.

Коллеги сидели тихо: некоторые внимательно смотрели на меня, видимо, ожидая от меня истерики или скандала; некоторые, наоборот, избегали на меня смотреть.

После педсовета ко мне подошла Анна Николаевна.

– А Вы знаете, что Молчанова ко всем нам подходила и искала, кто согласится завалить Вашу дочь на экзаменах? Я её выгнала, между прочим. Терпеть её не могу!

– Я не знала. Такое трудно представить! Мне тяжело с ней бороться. У неё все друзья здесь, а я одна.

– Вы не одна. Я не уважаю таких людей, как Молчанова. В нашей школе есть ещё разумные люди.

– Да, только не заступился за Яну никто, кроме Вас и Светланы.

– Не надо меня хвалить, я тоже не заступилась. Нужно было этот вопрос поднимать, да нам всё некогда чужие проблемы расхлёбывать, а девочка такой стресс перенесла! Мы все виноваты! Мне стыдно за нас! Я помню, что работая ещё в первой школе, Молчанова тоже выбрала себе жертву и довела её до обморока, вызывали скорую. Девочка не выдержала.

Так я узнала, что Молчанова подходила к каждому учителю, по чьим предметам моя дочь выбрала экзамены, что бы уговорить их поставить ей «четыре» – главное, чтобы Яна не получила аттестат особого образца. Эта женщина ненавиде-

ла нас.

Я шла домой с педсовета, думая, как я всё это сейчас буду говорить дочери?

«Ян, ты только не переживай, аттестат будет с отличием, но не особого образца», – сказала я и села тихонько на диван.

Ее детские полные слёз глаза я не забуду никогда. Мне было страшно. Она замолчала, легла на свой диванчик и отвернулась к стенке. Три дня она провела в своей комнате, предупредив меня, что ни с кем не хочет говорить по телефону. Тем, кто приходил к нам, мне потихоньку приходилось объяснять, что Яна сейчас никого не хочет видеть. Да так объяснять, чтобы никто на неё не обиделся. Но дети всё понимали и не настаивали. Уходя на работу, я просила Наталью постоянно проверять Янино состояние. Как же я боялась! Я не знала, что у неё в голове. Она странно выглядела и также странно разговаривала. Я летела с работы быстрее ветра и глубоко вздыхала, когда видела, что Яна мне улыбается. Тогда я часто и подолгу с ней разговаривала. Обо всём понемногу. Нам было всё равно о чём. Лишь бы мы общались, лишь бы она не зацикливалась на этом аттестате.

Калужская область 2001 год

Несмотря на то, что многие ученики моего первого 11 класса были не очень заинтересованы в обучении, хорошие аттестаты хотели все. Однажды случилось крайне неприятное происшествие.

Кто-то принес наркотики и спрятал в моем шкафу, а я совершенно случайно их нашла. Классный час начался невесело. Все ученики 11 «Б» класса сидели в гробовом молчании, не предполагая, что с ними дальше будет. Они хорошо меня знали, любила я их безумно, это был мой первый класс, самый дорогой, самый-самый. Но если что-то случилось, они знали, что я и Армагеддон – это синонимы.

– Чьи наркотики? – абсолютно спокойно спросила я в десятый раз.

В классе стояла тишина. Слышно было муху, которая пыталась тщетно удержаться на скользком стакане. На столе стояла коробочка с содержимым, от которого бросало в дрожь.

– Никто и никуда отсюда не выйдет, даже если будем сидеть тут вечно, – объявила я торжественно.

Они очень боялись меня разочаровать. Мы только-только стали немного сближаться. Класс, который перешёл в новую школу из старой «белой» школы, был недружный. Кроме того, он ещё и был собран из детей нескольких разных классов. Я приложила немало усилий, чтобы они чувствовали себя тут комфортно, чтобы они сдружились.

Девушки, мои красавицы, уже нервничали и кричали на парней, чтобы те признались, чья это «дурь». Время шло. Я стояла и смотрела на них. Мои дальнейшие действия они предугадать не могли. Они молчали. Я села за учительский стол и начала что-то писать, делая вид, что я работаю. Так

прошло ещё минут пятнадцать.

– Елена Валерьевна, отпустите всех, это моё, – Береговой встал и посмотрел мне в глаза. Это был красивый, высокий и абсолютно потерянный подросток. Отец их давно бросил, а мать была пьющей женщиной.

– Вадим, останься, остальные свободны, – сказала я.

Никто не ушёл. За дверью в тот день до шести вечера стояли 22 моих ученика, пока я разговаривала с Береговым.

После того вечера, когда Береговой рассказал мне всю свою жизнь, я стала замечать странные вещи. Иногда, когда я приходила в класс, там стояли живые цветы, кто-то звонил ночью и молчал, мне приходили записки странного содержания.

Любовь к своему учителю или учительнице – тема вечная и далеко не новая. Мальчики и девочки влюблялись в своих наставников всегда. Но если раньше учитель был для ребенка абсолютно недосыгаем, как вершина Эвереста или планета другой галактики, то теперь всё по-другому.

В современной школе учитель становится ближе и демократичней. Меня этому учили в университете. Я старалась общаться с детьми на равных. Это, безусловно, большое достижение, но это же и рождает дополнительные сложности. Во-первых, в такого учителя или учительницу дети легче влюбляются. Во-вторых, демократичная манера общения располагает к признаниям в любви, что создает неловкую ситуацию.

Любовь ученика ко мне в мои планы не входила никак. В моем 11 «Б» классе было много красивых парней, которые меня очень уважали и любили. И готовы были сделать всё, чтобы у нас в классе были хорошие отношения, а жизнь кипела и бурлила! Но любовь в понимании «любовь» меня не устраивала и пугала. Вадим был ранимым и закомплексованным. Учась в школе, Вадим не акцентировал внимание на свои чувства, но после выпускного бала, не давал мне проходу. Ему обязательно нужно было со мной разговаривать обо всём, о чём только он хочет. У меня же столько времени на общение с ним не было! Когда я дала понять, что у меня нет времени на то, чтобы выслушивать его рассказы, он загрустил и придумал следующий ход – шантаж. Вот тут я действительно испугалась. Вадим по всем психологическим характеристикам был склонен к саморазрушению. Люди, находящиеся в состоянии депрессии, часто думающие о том, чтобы лишиться себя жизни, склонны к самоубийству. А в депрессии Вадим был уже несколько лет. Сначала я смеялась и уходила от этого разговора, но когда в лесу друзья его вытащили из петли, мне стало страшно. Такого финала педагогической деятельности я бы не пережила. В этом случае я растерялась и не знала, кому я могла рассказать всю эту историю. И я решила рассказать всё подруге.

Наталья смотрела на меня как на сумасшедшую. В этом же классе училась её дочка и моя крестница. Мы вместе с подругой искали выходы, но ничего в голову не приходило.

– Выходи за него замуж, – сказала мне Наташка и рассмеялась.

– Спасибо, – сказала я, и больше я об этом с ней не заговаривала.

Замуж всё же он меня позвал после того, как пришел со службы. Отправился он служить в горячую точку, на Кавказ. Объяснил так: «Раз Вы против самоубийства, пусть меня убьют. Это ведь не грех умирать за Родину?»

Пришел он со службы настоящим героем. Школу засыпали письмами из части с благодарностями мне, как классному руководителю, и директору школы за такого храброго паренька. В письмах говорилось о его подвигах, о том, насколько он бесстрашен, и как он отлично выполнял свой долг перед Родиной. Учителя и директор поздравляли меня, но только я понимала, что Вадима толкнуло в самую горячую точку. Я надеялась, что он придет из армии совсем другим. В первый же день после того, как он вернулся, он пришел ко мне с кольцом и шампанским. Это же был и наш последний разговор, но всё же я осталась довольна. Кавказ сделал из моего баламута героя.

Мой отец родился на Кавказе. Он для меня был даром свыше. Никогда за всю мою пятидесятилетнюю жизнь он не обидел меня ни словом, ни уж тем более делом. Из моей памяти не выходят отдельные истории, в которых отец был

единственным, кто спасал, поддерживал и помогал. В моей семье всегда царил покой, мир и счастье. Спасибо моим родителям за это.

В Станице Наурская, в этих исторических местах, где раньше был маленький рай на земле, и началась его история. Это был край абрикосов, персиков и настоящего вина. Лидия Владимировна и Алексей Андреевич, тетя и дядя отца, были учителями, и в их доме была огромная библиотека с раритетными книгами. Дом и сад были великолепны.

Мама рассказывала, что лежа в саду среди тишины можно было услышать звук падающих на землю фруктов. Запах был неповторимый. Тут же, в саду, тётя варила варенье. В погребе было самое настоящее вино, которое в Чечне пили как воду. Мне не пришлось увидеть этот маленький рай на земле. В результате войны ни маме, ни папе больше не удалось туда поехать. Тётя умерла в одиночестве. Наверное, папа так и не простил себе это, но мы ничего не знали, что произошло, а когда узнали, то уже ехать было некуда. Что стало с домом, мы можем только догадываться. Родители планировали в пенсионном возрасте уехать туда на постоянное проживание, но война испортила все их планы и не дала возможности папе проститься с любимой тётей. О своем детстве папа рассказывал мало. Но некоторые факты мне всё же удалось из него выудить.

Отец родился в 1941 году. Станица Наурская в период войны была зоной постоянной бомбежки. Именно поэтому

их семья уехала в Бурунские степи. Это была необжитая территория, где пасли скот. Для жизни там люди сооружали временное жильё – кошары. Так случилось, что мама его умерла рано, и воспитывали его тётя и дядя.

Когда отцу было 6 лет, они с мальчишками играли в противотанковом рву. Ров был глубокий, 5-6 метров и битком забит различной техникой и оружием. И всё, что мальчишкам нравилось, они оттуда тащили. Именно из-за этого погибло больше детей и подростков, чем в войну в Наурской, так как дети не умели обращаться с боеприпасами, и они часто взрывались. Следить за тем, что делают дети, у матерей ни времени, ни возможности не было. Они работали, так как мужчин было мало, война тому была причиной.

Играть с оружием отцу нравилось, но он признался, что шашку ему хотелось гораздо больше, чем ружье или пулемет. В душе и по рождению он был казаком. От рождения до смерти казак «нес шашку за плечами». Такое воспитание давало возможность держать человека в военной узде. Лучше для казака ничего не было. Ребенок знал, что это его судьба. Приходская школа, церковь и война.

Чрезмерная мнительность включает тревожные опасения, возникающие у человека по различным поводам. Мнительность мешала мне быть счастливой всю жизнь. Причины этого состояния также пришли из детства. Причины тому бы-

ли так серьёзны и глубоки, что разобраться самостоятельно с ними я так и не смогла. Хороший и опытный психолог? Возможно, но такого еще нужно было найти. Когда родилась дочь, мои страхи молниеносно перекинулись и на нее. Я всегда больше всего боялась, что с Яной что-то случится.

Когда ей было 7 месяцев я, переодевая её, обратила внимание на то, что правая ножка не сгибалась полностью и казалась меньше, чем левая. В какой-то момент я всё же запаниковала. Муж был дома.

– Давай поедem в поликлинику, я что-то ничего не понимаю. Мне кажется, что одна ножка у неё короче! – с тревогой сказала я Андрею.

– Поехали, конечно, – сказал он. Он волновался за неё ещё больше меня. Рассматривал вечно на ней прыщички, пугал меня безо всякой причины. Но тут я испугалась и сама.

В очереди мы не стояли, я сказала, что мне срочно, и мы зашли в кабинет.

– Здравствуйте, посмотрите, пожалуйста, наши ножки. Мне кажется, что одна ножка у моего ребенка меньше, чем другая, – почти плача сказала я врачу. Врачу! Обратите внимание!

– Давайте посмотрим, – ответила врач и подошла к столу.

Она долго крутила её ножки из стороны в сторону, потом повернулась к медсестре:

– Инна Сергеевна, глянь-ка.

Я замерла.

– Ну, знаете, у неё ножка не на немного, а намного короче.

Советую срочно обратиться к хирургу.

Я плохо помню, что происходило дальше. Схватила Янку и выбежала из кабинета. Андрей понял, что дело плохо, подхватил меня под руку.

– Едем к хирургу в Протвино, – крикнула я

В Протвино к хирургу была большая очередь. Но когда люди увидели моё заплаканное и перекошенное от страха лицо, никто даже и не подумал на меня кричать за то, что я прорвалась без очереди.

Забежав в кабинет без приглашения, я с порога закричала:

– Посмотрите, пожалуйста, меня к Вам направили, ножка одна короче другой у моей дочки

Моя речь была сбивчивой, я глотала слова и расставляла их как попало.

Хирург, молодой и приятный мужчина, глянул на меня, как на больную.

– Кладите ребенка, – спокойно сказал он мне.

Я положила её на пеленальный врачебный столик и снова заплакала.

Врач несколько минут крутил Янкины ножки, переворачивал, ставил, раскладывал её, как лягушонка.

– Какая дура Вашей дочери поставила такой диагноз? – услышала я слова врача.

Я опешила.

– Педиатр в Кременках.

– Всё у Вашей красавицы прекрасно. Эти чудесные ноги будут ещё ходить по подиуму!

Это были пророческие слова. По подиумам Яна прошагала не один десяток километров.

Тульская область 1974 год

Меня и родителей по-прежнему разделяли тысячи километров. В то время было чудом, если я не болела месяц подряд. В такие дни я радовалась и надеялась, что болезнь отступила. Ни мама, ни отец не видели и половины моих мучений. Их видела только бабуля. Бабуля часто плакала в спальне и просила у иконы, чтобы Бог мне даровал выздоровление. Иногда я делала вид, что не замечаю. А иногда спрашивала, почему бабуля плачет, она вытирала слёзы и говорила: «Это от молитвы. Все хорошо».

Однажды бабушка сказала: «Мы с тобой завтра едем в одно место. Едем очень рано, в 4 часа утра. Так что нужно лечь спать пораньше».

Я легла спать, но уснуть долго не могла. Мне было очень интересно, куда бабушка меня повезет в 4 утра. Наутро всё стало ясно. Мы ехали в церковь. Мы пришли на автовокзал, и зашли к нашей родственнице, которая жила неподалёку. Она была очень набожной женщиной. В доме у неё мне не понравилось. Квартира располагалась в каком-то подвале у автостанции, дома пахло неприятно, горели везде свечи, бы-

ло много детей. Я хотела поскорее сесть в автобус и уехать отсюда. Эта женщина поехала с нами и учила бабушку, что нужно сделать и как. Я очень хорошо помню эту церковь, она была маленькая и очень красивая. Мы выстояли всю службу, нас причастили, и мы поехали домой.

Через два дня случилось то, что спасло мне жизнь – от мамы пришла телеграмма. В ней сообщалось, что они решили меня забрать к себе, и это не обсуждается. Когда мама приехала, бабушка закатила такую истерику, что я запомнила даже слова, которые она говорила маме.

– Ты хочешь её угробить! – кричала бабуля. – Она там не выживет.

– Я просто хочу забрать дочь с собой, чтобы она жила с матерью.

– Там 50 градусов мороза! – не унималась бабуля.

Мама еле успокоила бабушку, но та только сделала вид. Ночью я слышала, как она молилась и плакала. Она просила Бога, чтобы он мне помог. Бог услышал бабушкины молитвы.

Я поняла только спустя много лет, что значил тот мой поход в церковь с бабушкой. Если бы этого не было, не было бы и меня.

Магаданская область 1974 год

Я тоскливо смотрела на дверь еле-еле движущегося автобуса. Мы ехали уже часов 12. За окном был один и тот же

пейзаж: карликовые деревья, иногда горы. Я сидела и ужасалась тому, куда меня везут и что со мной там будет. Тоска от разрыва с бабушкой сидела где-то около горла и душила. Теперь я уже не хотела жить с родителями. Мне хотелось вернуться назад, в родной Ефремов. Я хотела идти в свой 6 класс, в свою школу. Я боялась нового коллектива, новых учителей. Предчувствия меня не обманули. Меня не приняли ни одноклассники, ни учителя. Я помню себя бледной забитой девочкой с очень длинной косой и спущенными колготками. Они были красивые и новые, но, видимо, не моего размера. Первый мой урок в новой школе был физкультура. Я зашла в спортивный зал, все посмотрели на мои колготки и засмеялись. Так родились комплексы. Как только я приехала на Север, я продолжила свою ефремовскую эпопею болячек. Болезнь возобновилась с новой силой. Теперь уже и родители видели, как я страдаю. Мама сильно переживала. Я видела это, и мне становилось ещё хуже. Ко всему тому, климат Колымы явно был перебором для моих легких.

Колыма. «Тому, кто здесь не был, тем нас не понять». Так звучат строки из песни, которые врезаются в память навсегда. Красоту этого края трудно описать словами, это нужно видеть. Мои родители приехали туда в 1973 году. Чуть раньше, в 1971 году было официально начато возведение посёлка гидростроителей Синегорье. Торжественное перекрытие Колымы было произведено 20 сентября 1979 года, вода пропускалась через ещё не достроенный к тому моменту

временный водосброс. Я со своими друзьями присутствовала на этом празднике. Тогда я уже училась в 9 классе. Будучи, в принципе ещё ребенком, ощущала всей своей сущностью причастной себя к великому событию того дня. Это было незабываемо.

Невозможно было забыть и то, что у нас в доме постоянно были гости. Я любила, когда они приезжали. В доме царила атмосфера праздника. Мама пекла вкусные пироги и готовила всякую вкуснятину. Однажды в нашем доме за столом собралось много гостей, они культурно общались и веселились. Вдруг из зала вышел огромный человек с обильной черной бородой, посмотрел на меня и спросил у мамы.

– Лида, а что с твоей дочерью?

– Не знаю, болеет она сильно, что-то с бронхами, говорят врачи.

– Нет, дорогая, твоя дочь – это моя больная.

Маме стало плохо. Дядька с бородой был самый известный «лёгочник» в округе. Он был заведующим отделения в туберкулезной больнице поселка Дебин.

Уже через неделю меня отвезли на обследование в Дебин, посёлок городского типа на левом берегу Колымы в Ягоднинском районе Магаданской области, в 60 километрах от Синегорья. Там я и осталась надолго. Это были трудные месяцы лечения. Я чувствовала себя плохо и физически, и морально.

...В палате было тихо. От мысли, что сейчас за мной при-

дут, становилось страшно. Мои соседки по палате куда-то все вышли: кто прогуляться по больничным коридорам, кто к приехавшим родственникам, кто и на улицу, подышать свежим воздухом. Я устала от больницы. Шел четвертый месяц пребывания в стационаре. Дни тянулись медленно. Я была как маленький затравленный зверёк, оторвавшийся от бабушки и не приставший к родителям. Я понимала, что меня хотят вылечить, но страх нахождения тут, в другом городе за много километров от мамы и еще дальше от бабушки, меня съедал. Я стала заражаться от своего же страха.

Это был День Сурка. Каждое утро я просыпалась, умывалась и шла есть невкусную больничную пищу. Заставляли съесть всё, так как таблетки нужно было пить после еды. После этого я шла к стенду возле ординаторской и брала свой пузырёк с приготовленными на утро таблетками. Иногда они не вмещались в один пузырек, и медсестра ставила мне их два. Я пила утром приблизительно 20-25 таблеток. В обед столько же и вечером чуть меньше, зато на ночь были ещё и уколы. Но самая страшная и неприятная процедура – «заливка». Процедуру делал сам Дядька с бородой, заведующий отделением, впоследствии, названный моим крёстным отцом за то, что вытащил меня заново на свет божий. Мне что-то заливали через нос в лёгкие. Для этого через ноздри проталкивали трубки. Это было противно и очень больно. Дни, когда эту процедуру не делали, были для меня счастливыми. И именно в такие дни отец был со мной рядом. Че-

рез день он мотался при своей занятости ко мне, чтобы приободрить меня и привести что-то вкусное, приготовленное мамой. Мы сидели в больничном коридоре и разговаривали, он даже умудрялся находить время, чтобы объяснять мне темы по алгебре, которые я боялась пропустить в школе. Его приезд был всегда праздником. Иногда они приезжали вместе с мамой, тогда мне было хуже, я не хотела, чтобы они уезжали обратно и плакала.

Калужская область 2013 год

Вам когда-нибудь было действительно страшно за близких? Это ужасное чувство. Оно не поддается описанию. Новость, услышанная от дочери, поставила меня в безысходное положение и кинула в глубокую пропасть страха и ужаса.

Мы сидели с дочкой на диване, она плакала. Телефон звонил без остановки. Мы обе были под впечатлением от возникшей ситуации.

– Яна, ответь! – сказала я, не выдержав этого бесконечного звона.

Она выключила звук, но светящийся дисплей меня раздражал.

– Ты не можешь не отвечать ему вечно!

– А что я скажу?

– Правду!

– И что? Расставаться? – слезы лились по её щекам.

А моё сердце хотело выпрыгнуть от боли, которую я ис-

пытывала, глядя не неё.

Я собралась с силами и попыталась как-то вяло защитить ее парня, с которым она только что начала встречаться. В исходе событий я была уверена на сто процентов. Зная современную молодежь, в чудеса верить было трудно. Кому нужны проблемы, да ещё и такие! Я почти смирилась с мыслью, что удар от расставания будет ещё сильнее, чем от диагноза. Забирать её надо из Москвы, домой. Пусть будет тут, со мной. Что-то придумаем, как-то выкарабкаемся.

Но чем больше до меня доходила правда, тем меньше я была уверена в благополучном исходе. Я всегда была мнительной, тысячу раз ставила себе страшные диагнозы и жила с этим. Но что касалось дочери, то я теряла самообладание сразу, если что-то у нее шло не так. Это был удар. Я старалась делать вид, что я в порядке и принимаю правильные решения, ищу выход из этой страшной ситуации, но это было только у неё на глазах. Когда она уезжала в Москву, я забывала, что нужно есть, спать, я делала только одно – редела. Я не спала ночами, не могла. Я довела себя до того, что засыпала на переменах в классе. В школе я ни с кем не общалась. Единицы знали, что что-то случилось и только потому, что приходилось несколько раз отпрашиваться, да и подробности я тоже никому не говорила.

Я ходила как тень. Подойти и прямо спросить, что со мной, никто так и не осмелился.

Прикинув сумму, которая мне нужна на лечение дочери,

я поняла, что пропала. Таких денег у меня не было. Крайние меры – оформление кредита. Я была готова взять кредит на любую сумму. Помощь от родственников и друзей могла бы быть кстати.

И тогда я в первый раз обратилась к директору. Было неудобно, стыдно и непривычно. Директор явно не прислушивался к сути моей проблемы. Я это сразу поняла.

– Вы не хуже меня знаете, что у школы нет ни копейки – оформляйте кредит, – небрежно бросил он.

– Я знаю, но может, есть какой-то фонд, помогающий постоянным сотрудникам в тяжелых ситуациях, профсоюз, или ещё что-то?

Я чувствовала себя ужасно: голос дрожал, руки тряслись, как будто я совершала преступление.

– Я ничем не могу Вам помочь. Оформите кредит, – повторил директор.

Нет, я не обиделась. Я была в прострации.

Пробормотав: «Дай Бог, чтобы вас не коснулось», я вышла из кабинета.

Магаданская область 1977 год

Люди с плохим характером в жизни мне встречались часто. В Синегорье я подружилась с девочкой, её звали Наталья. Мы стали лучшими подругами, но у неё был странный и жестокий характер: необоснованные приступы гнева, постоянный психоз, элементы садизма. Все это серьезно омрачало

нашу с ней дружбу. После каждого из таких приступов она плакала, просила прощения, но тут же через некоторое время всё повторялось. Ей доставляло наслаждение издеваться надо мной. Мне кажется, что в такие моменты она даже не могла себя контролировать. Зато когда она была в норме, нам было очень весело и интересно вместе. Прекратить дружбу я не осмелилась, так и мучилась до 9 класса. Одной из нехороших черт моей подруги была зависть. Мама у меня была моложе Наташкиной мамы лет на 10. Маме по благу откуда-то из-за границы привозили одежду. Когда я показывала Наташке обновку, она тут же просила меня взять её у мамы и дать ей поносить. Как-то раз мы основательно попались, мама узнала и очень ругала меня, так что больше я ничего Наташке не давала. Это стало причиной новых осложнений в наших отношениях.

Дружить с кем-то ещё Наталья мне не позволяла. Особенно она ревновала меня к Регине. Регина была очень милой и красивой девочкой, у меня с ней было много общего. Жили мы с ней в одном подъезде. Наталья после того, как увидела, что мы стали много проводить время вместе, закатила нам обоим такой скандал, что Регина испугалась и начала обходить меня стороной.

Когда я уже была взрослой, то узнала, что у мамы моей подруги были серьезные проблемы с психикой. Видимо, это передалось Наташе. Я ее простила.

Однажды зимним утром мы весело бежали в школу, был

небольшой для Синегорья морозец, всего – 42 градуса. Я в последний момент надела модные сапоги, хотя мама мне говорила, что нужно надеть «прощай, молодость». Я её не послушала.

Момент, когда я упала, и на меня завалились все мои подружки, я помню, зато потом всё в моем сознании было очень смутно. Самое яркое впечатление – звёзды в глазах. То, что я сломала ногу, я не поняла, так как потеряла сознание. Очнувшись, я встала и пошла, но нога почему-то раздвоилась. Я испугалась.

– Девочки, у меня что-то с ногой, – испуганно сказала я.

– Подвернула, – ответили подружки. Они вставали, отряхивали снег и громко смеялись.

– Нет, что-то не то, она раздваивается.

Я начала паниковать. Наталья кричала:

– Ну, мы идем в школу или нет? У нас география первая.

Учителя географии мы ненавидели и жутко боялись.

– Наташ, я не могу, – расплакалась я.

Тут подруга поняла, что я не шучу и сама испугалась.

– Что делать? – спросила с ужасом в голосе Наталья.

– Беги за родителями, – сказала я.

Наталья побежала ко мне домой. Через минуты три я увидела бегущего ко мне отца. Он был напуган, схватил меня и стал спрашивать, как я упала и что со мной. Машины не было. До скорой мы не дозвонились. Я замерзала. Тогда отец взял меня на руки и понёс сам в больницу. Больница стояла

практически на реке, в километре от нашего дома. Всю дорогу отец нёс меня на руках. Я ревела в больнице всё время. Нет, меня не пугали жуткие переломы обеих костей, меня пугало то, что меня не будет на новогоднем вечере в школе. Было 16 декабря 1977 года.

Пропуски уроков и плохое отношение ко мне в классе стало причиной того, что я даже радовалась, когда оставалась дома. Три месяца я не была в школе. Когда же вновь вернулась, в журнале у себя увидела ряд двоек по математике. За каждый пропущенный урок стояли не буквы «н», а отметки «2». Так родилась моя «любовь» к математике. Учитель Запорожская была старой девой. Учеников она ненавидела. Мой отец был в дружеских отношениях с директором нашей школы Олегом Алексеевичем. К нему он и обратился, чтобы узнать, почему больному ребенку учитель ставит отметки «2». Директор вызвал Запорожскую и отчитал по полной программе. Так родилась её «любовь» ко мне. С той поры отметка «пять» мне могла только сниться. Те, кто списывал у меня контрольные, получали «5», мне же она ставила абсолютно несуществующую в СССР отметку «4+».

И только один раз мне её стало действительно жалко, когда я увидела её одну, прогуливающуюся по направлению к реке. Я, будучи ещё в принципе ребенком, поняла, что она абсолютно одинока.

Несмотря на проблемы в школе и моё самочувствие, я была почти счастлива. Только тоска по бабуле наступала мне

на горло и душила. Я часто плакала, когда оставалась одна. Тяжело было привыкать к новой жизни. Но с другой стороны я была безумно рада, что теперь я жила с родителями.

После того, как я пролежала в туберкулезном диспансере четыре месяца, я обзавелась друзьями и подругами. У нас образовалась отличная компания, и мы каждый вечер гуляли. Это было очень интересное время, время первой детской любви и взросления. Первая любовь запоминается на всю жизнь. Мою первую любовь звали Юра Нехороших. Фамилию он оправдывал на все сто процентов. Его поведением ужасались учителя, ученики получали подзатыльники, и от неразделенной любви страдали девчонки. В нашей компании он не был, меня не замечал в принципе. Мне казалось, что поначалу он стеснялся меня и презирал. Его друзья знали о моих чувствах к нему, и, разумеется, делились с ним новостями о моих страданиях. Он меня избегал, иногда жестоко дразнил. К девятому классу я стала совсем другой – модной, уверенной в себе девушкой, и он соизволил обратить на меня внимание. Но тогда мне это было уже ни к чему.

Любимым местом наших прогулок была речка Колыма. В любое время года там невероятно красиво. Я поняла, почему наш поселок называли Синегорье. Снег действительно казался синим на солнце, а сугробы поднимались выше человеческого роста. Тайга поражала своей красотой. Летом мы ходили далеко от дома, собирали ягоды и грибы. Белые грибы были размером с голову моей сестрёнки. Я помню, что

родители однажды даже фотографа брали с собой, чтобы запечатлеть эту красоту. Это было волшебное место, для меня оно таковым и осталось навсегда.

Больше пятнадцати лет Синегорье строился и расширялся, пик расцвета пришелся на 1989 год. Тогда, согласно переписи населения, в поселке проживало почти 12 тысяч человек, хотя сам населенный пункт был рассчитан на 10 тысяч.

С началом 90-х годов прошлого века из Синегорья начался массовый отток жителей. Сегодня в поселке живут немногим более двух тысяч человек. Больше половины домов пустуют. Когда я смотрю на фотографии сегодняшнего моего, так горячо любимого поселка, становится жутко. В комментариях к фото в социальных сетях можно прочесть такие слова: «Когда едешь по центральной улице, то справа идет жизнь и играют дети на площадках, а слева – пустыми глазами окон зияют брошенные дома».

Поселок Заречный 1980 год

Я почувствовала себя брошенной. Человек, к которому я так странно и ревностно относилась, начал встречаться с девушкой. Поговаривали, что её Он не любил. Единственной причиной, чтобы начать новые отношения, было желание забыть меня. Гуляли они отдельно от нас. Настроения у Него не было никогда. Я стала замечать, что Он не улыбается, не веселится на уроках, как раньше.

Девочка Его полюбила, и, насколько мне известно, люби-

ла достаточно долго. Он говорил, что она Его просила к ней вернуться уже в зрелом возрасте. В школе они редко подходили друг к другу, складывалось такое впечатление, что Он её стеснялся. Или просто не хотел, чтобы я видела. Хотя я всё знала и даже поздравила Его с началом отношений. Как-то Он сидел в нашей школьной беседке, мимо неё я всегда ходила домой. Мне показалось, что Он меня ждал. Я завернула в беседку и села рядом.

– Ты избегаешь меня? – начала я разговор.

– С чего ты взяла?

– Ты перестал с нами общаться, гулять.

– Ты же знаешь, я теперь не один.

– Я поздравляю тебя, давно надо было.

– С чем ты меня поздравляешь? – почти агрессивно спросил Он.

– Ты влюблен, а это прекрасно.

– Такое впечатление, что ты подошла меня пожалеть. Звучит именно так.

– Не говори глупости, я рада за вас. Правда, её я не знаю, поэтому к ней с поздравлениями не подойду, это уж точно.

– Твоя подруга знает, попроси её поздравить мою девушку с тем, что ей крупно повезло.

В Его голосе звучала горькая ирония.

– Ну, ей действительно повезло. Ты хороший, очень хороший.

– Хороший... спасибо. Это всё, что ты можешь мне ска-

зять? – с горечью сказал Он. – Алён, мне всё равно, что я для неё значу. Мне всё равно, где она, что делает, какое у неё настроение, как она выглядит. Мне всё равно! Я уже раз 100 назвал её твоим именем.

– Мне нечего тебе больше сказать.

Он сжал мою руку.

– Ты его любишь? Сильно?

– Да. Прости.

– Не извиняйся.

Наступила пауза. Молчание было мучительное. Я хотела встать и уйти домой, но вместо этого я сделала то, чего не ожидала от себя.

– Ты особенный. Ты это знаешь? – вдруг я начала говорить то, что Он не должен был слышать.

– Это уже интересно.

Дальше слова просто рвались наружу:

– Я не понимаю, почему мне неприятно, что ты с ней встречаешься. Даже когда я с Олегом, я думаю о тебе. Почему?

– Задай себе этот вопрос. Я всё равно на него не отвечу. Я не верю в то, что ты сейчас говоришь. Жалость – самое последнее чувство, которое я бы хотел, чтобы ты ко мне испытывала.

Он встал и быстро пошёл по направлению к своему дому.

Я ещё долго сидела в беседке и думала, что схожу с ума. Я сказала Ему чистую правду, но сама не понимала, что со

мной происходит. Создавалось такое впечатление, что время остановилось там, в сентябре, у озера.

Калужская область 2003 год

Время шло быстро. Наступил день прощания со школой. Моя дочь пришла на праздник Последнего звонка с хорошим настроением, она любила свой класс, несмотря ни на что.

Я фотографировалась с девочками у входа в школу, как вдруг меня позвала коллега.

– Елена Валерьевна, можно Вас?

Я подошла, улыбаясь. Настроение было хоть не отличное, но сносное. Я любовалась на свою дочь. Она прекрасно выглядела.

– Добрый день, Ирина Петровна, – сказала я.

– Вот боюсь, что он не будет добрым, – грустно сказала коллега.

– Что опять случилось? – я устало посмотрела на неё. Настроение улетучилось мгновенно. Появился страх.

– Молчанова Вам нехороший сюрприз приготовила. Даже не знаю, как сказать.

– Говорите, как есть.

– Она не хочет видеть Яну на празднике.

– В смысле «не хочет»?

– Просила родителей Яну не пускать в класс и Вас уговорить, чтобы сидели дома.

– Она совсем с ума сошла? Сегодня праздник Последне-

го звонка! Ничего не понимаю, кого просила? Куда не пускать? – я уже поняла, что дальше информация будет еще хуже.

– Молчанова хочет её проигнорировать, словно Яна не училась в её классе. И это в такой день. Не пускайте ребёнка к ней. Не травмируйте. Идите домой.

– Да как я её не пущу? Она уже в классе, наверное. Но за предупреждение спасибо!

Ноги не шли по направлению к школе. Это трудно понять, но ненависть меня захлестнула. Я поискала дочку в коридорах школы, но все выпускники уже вышли на линейку с главного входа. На линейке я стояла, как на раскалённых углях. Я не осмелилась, видя счастливое личико дочери, подойти и забрать её домой. Я думала, что вероятно Ирина Петровна ошиблась или не так поняла Молчанову. А может я надеялась на то, что Молчанова одумается и не станет портить праздник Яне. Но я слишком хорошо о ней подумала.

Как только Яна зашла в классную комнату, её настроение сменилось. На стенде, где красовались фотографии всех детей 9 «А» класса, вместо её фотографии, было пустое место. Вот так просто – пустое место. Все слова и подарки были всем детям, кроме моей дочери. Помню, что после классного часа, Яна пришла домой, легла на свой диванчик и горько заплакала. На волосах красовались белые бантики, они нервно, в такт её рыданий, вздрагивали и казались неуместными в такую минуту. Я думала, что от обиды моё сердце

не выдержит. Как же в тот момент я ненавидела Молчанову, даже самой становилось страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.